

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 4 (51)

2022

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук,
профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор
Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор
Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования», в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76950 от 09 октября 2019 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия,
Самарская область, г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 44-91-74

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать 30.12.2022.
Выход в свет 13.03.2023.
Формат 60×84 1/8.
Печать цифровая.
Усл. п. л. 6,0.
Тираж 25 экз. Заказ 3-02-23.
Цена свободная.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор, профессор кафедры уголовно-правовой специализации (Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Боброва Наталья Алексеевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия), профессор кафедры теории государства и права (Российский университет дружбы народов, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия), заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин (Российский государственный университет правосудия, Северо-Западный филиал, Санкт-Петербург, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор, руководитель секции теории безопасности Института социальных наук и безопасности (Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Седльце, Польша).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национально-исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, Самара, Россия).

Корнуков Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национально-исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор (Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии (Университет в Белостоке, Белосток, Польша).

Моисеев Александр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правовых дисциплин (Институт экономики и права (филиал) образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе, Севастополь, Россия), профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права (Самарский национально-исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой публичного права (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института правовой политики и конституционного законодательства (Казахский гуманитарно-юридический университет им. М.С. Нарикбаева, Астана, Республика Казахстан).

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

Проблема расторжения длящихся договоров по российскому праву на примере договора аренды Воробьева О.А., Гордеева М.А.	5
О правовом регулировании признания недопустимыми доказательств по делам об административных правонарушениях Глуздак Г.Н.	12
Уголовно-правовые и криминологические аспекты детоубийства в английской системе права Жирова М.Ю., Кондратюк С.В.	18
Заботливость и осмотрительность как критерии определения виновности или невиновности в нарушении договорного обязательства Маштаков И.В.	28
School shootings: уголовно-правовое исследование Николаева Т.Г., Нечаева Е.В.	36
Некоторые проблемы квалификации преступлений, совершаемых с применением насилия, по российскому уголовному законодательству Савельева О.Ю.	45
НАШИ АВТОРЫ	51

CONTENT

The problem of termination of continuing contracts under the Russian law on the example of a lease agreement Vorobyeva O.A., Gordeeva M.A.	5
On the legal regulation of recognizing inadmissible the evidence in administrative violation cases Gluzdak G.N.	12
Criminal-legal and criminological aspects of infanticide in the countries of the anglo-saxon system of law Zhirova M.Yu., Kondratyuk S.V.	18
Care and diligence as the criteria for determining guilt or innocence in the contractual delinquency Mashtakov I.V.	28
School shootings: criminal law investigation Nikolaeva T.G., Nechaeva E.V.	36
Some problems of classification of crimes committed with violence according to the Russian criminal law Savelyeva O.Yu.	45
OUR AUTHORS	51

Проблема расторжения длящихся договоров по российскому праву на примере договора аренды

© 2022

Воробьева Ольга Александровна^{*1}, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»

Гордеева Мария Алексеевна, магистрант

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

*E-mail: olga80_tlt@mail.ru

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7614-3540>

Аннотация: Статья посвящена проблемам отсутствия законодательного разделения механизмов расторжения длящихся и разовых договоров на примере договора аренды. Проблема стала особенно актуальна в связи с пандемией COVID-19, когда право столкнулось с тем, что сторона не может исполнять договор, но не может и выйти из него. Данное положение привело к существенному дисбалансу в отношениях сторон, в особенности предпринимателей, заключивших срочный договор от пяти лет. По мнению авторов, расторжение длящегося договора может быть актуально не только в связи с пандемией, но и во многих случаях, когда судьи отказываются использовать ст. 451 ГК РФ, которая почти не применяется в практике, хотя именно текст данной нормы потенциально содержит возможность расторжения длящихся договоров. Авторы обосновывают необходимость включения в действующее законодательство норм о дифференциации расторжения длящихся и разовых договоров на примере договора аренды. Приводится опыт Германии, а также анализируются судебные решения, которые в некоторых случаях приводили к несправедливому распределению рисков. Предлагается проект статьи о расторжении длящегося договора, а также решение возможных проблем, которые могут быть вызваны принятием этой статьи. Авторы приходят к выводу о необходимости включения в действующее законодательство норм о расторжении длящихся договоров. В настоящее время единственный способ исключить данную проблему – предусмотреть соответствующее положение в договоре.

Ключевые слова: длящиеся договоры; расторжение договора; расторжение договора аренды.

Для цитирования: Воробьева О.А., Гордеева М.А. Проблема расторжения длящихся договоров по российскому праву на примере договора аренды // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 4. С. 5–11. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-4-5-11.

ВВЕДЕНИЕ

В российском праве договор аренды заменил отсутствующие ограниченные вещные права, которые в тех же целях используются в европейских правовых системах. Аренда применяется при застройке (вместо суперфиция), при обработке земли (вместо эмфитевзиса), при осуществлении предпринимательской деятельности, поэтому в России распространена больше, чем в сходных правовых системах.

Договор аренды и проблемы его расторжения почти не исследовались комплексно, а особенности договора аренды и его расторжения как длящегося договора лишь попутно охватывались специальными или общими исследованиями, посвященными аренде. Первая группа исследователей обращала внимание на расторжение договора аренды и его проблемы: так, в работе [1] сделан упор на зарубежный опыт, а также анализ российского опыта расторжения договора аренды; критикуется сложившаяся система; делается вывод о необходимости смягчения подходов к доктрине существенного изменения обстоятельств в российском праве. В другом исследовании проанализирована¹ сложившаяся в 2020–2021 годах ситуация с коронавирусом и изменением и расторжением договоров аренды в России в связи

с различными обстоятельствами, которые возникли на стороне арендаторов, а также показаны отдельные несправедливые кейсы расторжения договора. Такую же работу проводит автор [2]. Работа [3] посвящена особенностям договора аренды в целом, а также отдельным аспектам его расторжения: автор анализирует аренду как особенную разновидность долгосрочного договора, которая должна иметь вытекающие из этой особенности правила. Указанные работы позволяют определить современное состояние научного знания об особенностях расторжения аренды как длящегося договора, особенно в новых условиях коронавирусной инфекции.

Вторая группа исследователей занималась фундаментальными проблемами расторжения договора. Автор [4] рассмотрел случаи недобросовестности при расторжении договора и последствия недобросовестного поведения, разделяя последствия добросовестного и недобросовестного поведения сторон при расторжении договора. В [5] расторжение договора исследовано как правовое явление в российском законодательстве. Автор работы [6] один из первых предложил выделять длящиеся договоры и особенности их расторжения, так как стороны больше связаны между собой и не могут быстро заменить контрагента. В [7] на основе анализа судебной практики предлагается видение того, чем должен руководствоваться суд при расторжении или изменении договора: учитывать баланс интересов сторон, не допуская несправедливости по отношению к одной из сторон. В работе также затронуты особенности договора аренды.

¹ Клинова К. До и после форс-мажора. Влияние пандемии на отношения по договору аренды // Финансовая газета. 2021. № 20. С. 5–6.

Однако комплексного исследования особенностей расторжения договора аренды как длящегося договора в отдельной работе не проводилось. Необходимость проведения работы по поиску наиболее правильного подхода к расторжению длящегося договора в российском правовом порядке обусловлена рядом факторов: отсутствием специальных работ о расторжении аренды как длящегося договора; принятой в российском праве модели расторжения, применяемой в зарубежных правовых системах только для расторжения разовых договоров; вызываемыми данным фактом проблемами, которые возникают на практике при попытке расторжения длящихся договоров.

Изменения в гл. 34 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) чаще всего производились косметические, то есть для устранения противоречий в терминологии в связи с принятием новых законов, по сути же с принятия в 1996 году и до настоящего времени он не изменялся. Существенные изменения были сделаны в связи с постепенными изменениями подходов судов, а также существенными изменениями общей части ГК РФ. Тем не менее события 2020–2021 годов показали, что нормативные положения договора аренды необходимо совершенствовать. Особенно проблемной оказалась возможность расторжения срочного договора аренды без нарушения со стороны одного из контрагентов [8].

Цель исследования – анализ современного состояния договора аренды и предложение мер по устранению недостатков действующего законодательства.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Логика проведения исследования заключалась в первоначальном исследовании действующего регулирования расторжения договоров в России. Затем была проанализирована модель иностранного регулирования расторжения договоров, где механизмы расторжения разовых и длящихся договоров разделены, а также отечественная практика, которая использует общий подход к расторжению договоров (применяющийся в иностранных правовых системах для расторжения разовых договоров).

Количество проблем, которые вызваны действующей практикой, обусловило необходимость проведения следующего шага – определения текста нормы, которая способна исправить существующие проблемы в практике расторжения договоров. При окончательной формулировке предлагаемого текста были описаны преимущества применения нормы и проблемы, которые могут быть вызваны введением ее в текст ГК РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Использование ст. 451 ГК РФ в отечественном правовом порядке

Как показала пандемия, существенной проблемой российского права является отсутствие разделения права на расторжение или изменение договора для разовых и длящихся правоотношений [9]. Модель, закрепленная в ГК РФ, характерна скорее для расторжения разовых договоров, чем для длящихся, а договор аренды отно-

сится к последним [3]. В российском праве расторжение договора регулируется ст. 450 и 451 ГК РФ [5]. Ст. 450 ГК РФ предусматривает расторжение договора при существенном нарушении обязательств одной из сторон или в случаях, которые предусмотрены ГК РФ или иными законами. В ситуации с договором аренды законодатель, по сути, просто перечисляет возможные случаи существенного нарушения договора со стороны контрагента, позволяющие арендодателю или арендатору расторгнуть договор: ст. 619 и 620 ГК РФ соответственно. Ст. 451 ГК РФ предусматривает случаи, когда существенно изменились обстоятельства, причем таким образом, что если бы стороны знали о них при заключении договора, то не совершили бы сделку, а также случаи, когда исполнение договора влечет существенный дисбаланс сторон [1]. Подобные положения хороши для разовых договоров (поставки, купли-продажи, мены и др.): договор заключен, но сторона существенно нарушила договор – контрагент понимает, что данное лицо неблагонадежно, и не будет с ним сотрудничать в будущем; существенно изменились обстоятельства – например, стало известно, что один из предметов мены представляет собой культурную ценность и стоит существенно выше, чем предполагалось стороной (сторонами) изначально.

В длящихся отношениях всегда можно найти встречное предоставление [7], и если изначально одна из сторон просчиталась в том, каким должно быть справедливое встречное исполнение по рынку, то она связана договором на длительное время, причем суды будут указывать на согласованное встречное исполнение, выраженное в денежных средствах или помещении. В настоящее время ст. 451 ГК РФ, по сути, не работает: расторжение или изменение договора суды не признают ни при увеличении курса валюты договора более чем на 100 %², ни при финансовом кризисе³, ни при введении внешнеэкономических санкций против стороны договора⁴, ни при иных мыслимых обстоятельствах [10]. Фактически ст. 451 ГК РФ для аренды действует в двух случаях.

1. Изменение законодательства, которое делает невозможным исполнение договора аренды. Например, в г. Севастополе на уровне субъекта был введен запрет на аренду помещений бюджетных учреждений здравоохранения частными медицинскими организациями, в связи с чем договоры аренды с такими учреждениями были прекращены на основании положений ст. 451 ГК РФ⁵.

2. Изменение характеристик помещения без вины арендодателя, из-за которых, тем не менее, цель договора не может быть исполнена. Примером подобных дел может быть изменение видов разрешенного использования земельных участков по решению органов власти. В одном из судебных решений, признающем изменения

² *Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.09.2016 № 18-КГ16-102.*

³ *Постановление Президиума ВАС РФ от 07.08.2001 № 4876/01.*

⁴ *Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.05.2017 № 301-ЭС16-18586 по делу № А39-5782/2015.*

⁵ *Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 05.09.2016 № Ф10-3241/2016 по делу № А84-2704/2015.*

в соответствии со ст. 451 ГК РФ, вид разрешенного использования помещения был изменен с «для строительства моечного пункта автомобилей на два поста и станции технического обслуживания» на «осуществление рекреационной деятельности», который не позволял осуществлять предпринимательскую деятельность планируемого вида⁶. К примерам подобного рода можно также отнести изменения в законодательстве, касающиеся требований к помещению, которые арендодатель не может внести.

Как уже говорилось, изменение или расторжение договора в соответствии со ст. 451 ГК РФ используется очень редко в экстраординарных случаях. Но длящиеся договоры связывают контрагентов на долгие годы, в течение длительного периода времени они могут допускать разного рода нарушения и в конце концов перестать быть заинтересованными в помещениях вовсе. Российское законодательство не содержит положений, которые каким-либо образом регулировали бы данный пробел, поэтому рассмотрим германское законодательство, которое разделяет условия расторжения или изменения длящихся и разовых договоров.

Расторжение договоров в германской практике: отдельные подходы для длящихся и разовых договоров

Германская доктрина при обосновании необходимости расторжения договора основывается на учении об отпадении основания в сделке. В литературе выделяют три группы случаев, подпадающих под правила о существенном изменении или отпадении объективного основания сделки [11]:

– случаи, когда исполнение договора фактически или экономически существенно затруднено (данное положение в части фактической невозможности реализовано в ст. 451 ГК РФ; как показано выше, экономических оснований для применения ст. 451 ГК РФ не признает);

– случаи чрезвычайно большого дисбаланса между исполнением и встречным исполнением (является составной частью ст. 451 ГК РФ и охватывается п. 2 ст. 450 ГК РФ);

– случаи, когда исполнение как таковое возможно, но в силу изменившихся обстоятельств цель обязательства не может быть достигнута (в российском праве такая ситуация не предусмотрена вовсе).

Расторжение договора в соответствии с Германским гражданским уложением (далее – ГГУ)⁷ может осуществляться следующим образом.

1. Независимо от того, какой перед нами договор в соответствии с § 324 ГГУ. Это делается в случаях, когда договор предполагает учет интересов другой стороны – *Rücksichtnahmepflicht* (нем. «обязанность проявлять заботу»). Данный институт не изучается в российском праве и редко выделяется в доктрине, смешиваясь с существенным нарушением договора или ины-

ми, более привычными институтами [12]. *Rücksichtnahmepflicht* предполагает, что сторона по договору будет осуществлять свои права в соответствии с интересами контрагента. При договоре аренды это может быть, например, использование арендатором имущества таким образом, которое существенно ухудшает его или создает угрозу утраты. В российском законодательстве данные правила закреплены в рамках существенного нарушения договора – пп. 2 п. 2 ст. 450 ГК РФ с отсылкой на пп. 1 ст. 619 ГК РФ (в части использования предмета договора не по назначению) и пп. 2 ст. 619 ГК РФ.

2. Для разового договора – § 323 ГГУ, который напрямую является гарантом обеспечения реализации на территории Германии Директивы ЕС 1999/44/ЕС от 25 мая 1999 года «Об определенных аспектах купли-продажи потребительских товаров и о гарантиях качества потребительских товаров»⁸. В данном случае речь идет о неисполнении одной стороной своего предоставления, или предоставлении с существенными нарушениями, или исполнении позже установленного срока. Такие же положения имеются в отечественном законодательстве для отдельных видов договоров (ст. 463 ГК РФ, ст. 578 ГК РФ и др.).

3. Интересующей нас статьей является § 314 ГГУ, где говорится о возможности расторжения длящихся договоров. Под длящимися договорами понимаются договоры, в которых предоставление хотя бы одной из сторон осуществляется в течение определенного срока, растянутого во времени [13]. Стоит отметить, что немецкие юристы четко разделяют длящиеся и делимые договоры. Длящиеся договоры не могут быть исполнены иначе как отдельными многократными исполнениями хотя бы одной из сторон [6], а общий объем исполнения прямо пропорционален предусмотренному сроку действия обязательства. Делимые договоры – те, которые обычно составляют единую сделку и обычно исполняются мгновенно (купля-продажа), но по условиям договора могут быть растянуты по времени (кредит для покупателя, поставка несколькими партиями) [14].

Договор аренды является типичным примером длящегося договора. В соответствии с ГГУ длящиеся договоры могут быть расторгнуты в связи с наличием серьезного основания. Отметим, что такое основание не связано с нарушением договора и, наоборот, зависит от внешних обстоятельств либо от обстоятельств, которые связаны с самим должником. Классическим примером в немецкой юриспруденции является проводное телефонное подключение – если заказчик переезжает на другую квартиру, а договор телефонного подключения не истек, обстоятельства складываются таким образом, что исполнение договора заказчика не интересует, поэтому он вправе расторгнуть длящийся договор в связи с серьезными основаниями [15].

Появление данной нормы объяснимо: в длящихся правоотношениях, когда одна сторона попадает в ситуацию, при которой исполнение обязательства по договору приводит к существенной невыгоде, часто возникает конфликт между контрагентами, так как другая

⁶ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.03.2016 № Ф01-613/2016 по делу № А79-4088/2015.

⁷ Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 715 с.

⁸ Директива № 1999/44/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О некоторых аспектах продажи потребительских товаров и предоставляемых гарантий» (принята в г. Брюсселе 25.05.1999).

сторона часто заинтересована в дальнейшем продолжении отношений [4]. Конечно, в договоре аренды речь чаще всего идет об арендаторе, которому невыгодно арендовать имущество.

Предлагаемые изменения в законодательство

Пандемия COVID-19 показала, что проблема отсутствия механизма расторжения длящегося договора может приводить к конфликтам между сторонами [16] – по сути, арендаторы в таких условиях могли ссылаться только на п. 4 ст. 614 ГК РФ [2], который предполагает уменьшение арендной платы, а не прекращение договорных отношений [17]. На наш взгляд, подобный механизм существенно помог бы отечественному обороту, причем не только в правоотношениях, на которые повлияла пандемия, но и в иных ситуациях, которые на настоящий момент не получают правильного разрешения. Иными словами, установленный по умолчанию порядок расторжения договора не отвечает интересам сторон, но теоретически может быть решен эффективной договорной работой – применением ст. 450.1 ГК РФ с перечислением случаев для мотивированного отказа от договора. Мы предлагаем изменить правило по умолчанию, чтобы стороны имели возможность расторгнуть договор при отпадении экономического интереса его осуществления.

Дополнение ГК РФ должно быть осуществлено именно в направлении реформирования общей части ГК РФ [18], и мы предлагаем примерно следующий текст нормы:

«Статья 451.1. Расторжение длящегося договора при наличии серьезных оснований

1. При наличии между сторонами длящихся правоотношений, под которыми понимаются такие договоры, где размер осуществления предоставления сторонами прямо зависит от срока действия договора, расторжение договора может быть осуществлено при наличии существенных оснований (примерами таких договоров могут быть гл. 33–36, 39, 42, 44, 45, 47, 49, 53 ГК РФ).

2. Существенными основаниями признаются случаи, когда экономический интерес одной из сторон настолько низок, что исполнение договора наносит ему ущерб, а встречное предоставление не может быть использовано эффективно.

3. Расторжение договора позволяет взыскать с лица, требующего такое расторжение, позитивный интерес, однако с учетом положений о добросовестном сокращении лицом своих убытков».

Мы понимаем недостатки данного текста – вводится новое понятие; вместо лаконичного «митигация» [19] мы используем «добросовестное сокращение лицом своих убытков» (так как ГК РФ термин «митигация» не использует); перечисленные главы в некоторых случаях содержат это же положение, только в частном случае (п. 2 ст. 610, п. 1 ст. 859, п. 1 ст. 977 ГК РФ и др.). Тем не менее подобная норма позволит правильно разрешить определенное количество споров и даст возможность выйти стороне из договора, когда она больше не может продолжать его осуществлять (примером может быть ликвидация общества или уход с рынка страны или отдельного субъекта). Рассмотрим данные споры на примере договоров аренды.

Преимущества и недостатки предложенной нормы

В одном из споров арендатор по причине ухудшения обстоятельств на рынке не реализовал все 160 путевок, вследствие чего не нуждался в помещениях арендодателя и предлагал уменьшить количество арендуемых помещений. Суд не признал данное обстоятельство удовлетворяющим ст. 451 ГК РФ⁹. Полагаем, предложенная нами норма позволила бы прекратить договор, при этом сохранив баланс интересов сторон: расторжение на весь период, но с выплатой убытков арендодателю за период, когда он не может использовать помещения в связи с поиском нового арендатора (исходя из судебной практики, такой срок обычно составляет 1–3 месяца).

Более показательны случаи банкротства. В некоторых случаях компания еще может восстановить платежеспособность, расторгнув, например, отдельные договоры, но директор такой возможности не имеет, и компания получает ее только после утраты директором контроля на стадии внешнего управления (ст. 102 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁰) или конкурсного производства (п. 3 ст. 129 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). При этом данные положения сформулированы как права, а не обязанности внешнего или конкурсного управляющего. В данном случае арендодатель может быть «арестован» до самого завершения конкурсной процедуры и получит в разы меньше, чем составляет арендная плата. На наш взгляд, арендодатель, хотя бы на стадии конкурсного производства, когда невозможность восстановления платежеспособности очевидна, а предприятие не работает, вправе на основании предложенной нами нормы расторгнуть договор [20].

Таким образом, финансовая неустойчивость в соответствии с предложенной нами нормой может стать основанием для расторжения договора, равно как и инфляция, девальвация, потеря интереса в имуществе и т. п.

На сегодняшний день имеется несправедливая дифференциация: по причине финансовой неустойчивости и невозможности оплачивать обязательства частные компании расторгнуть договор (в соответствии с положениями ГК РФ) не могут¹¹, а государственные органы, несмотря на положения ст. 124 ГК РФ, могут. Так, в связи с ликвидацией отдела ФССП РФ договор аренды был расторгнут в соответствии со ст. 451 ГК РФ¹².

Другим возражением может быть то обстоятельство, что в данном случае длящиеся договорные отношения всегда ставятся под угрозу, чаще всего со стороны арендатора. Отчасти это так, однако возмещение убытков, а также подразумеваемая редкость существенных оснований для расторжения договора не должны

⁹ Постановление Президиума ВАС РФ от 30.11.2010 № 9600/10 по делу № А17-1960/20092.

¹⁰ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.06.2022).

¹¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.08.2020 № Ф05-11115/2020 по делу № А40-139648/2019.

¹² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.01.2016 № Ф05-19210/2015 по делу № А41-35134/2015.

существенно нарушать интересы сторон. Тем не менее некоторые проблемы в связи с данной нормой могут возникнуть – например, если компания расторгает договор с заявлением, что уходит с рынка, платит убытки на период поиска нового арендатора, но не уходит с рынка (а договор уже расторгнут), и даже арендует соседнее помещение. Стоит ли возобновлять договор и пересматривать решение суда, или у арендодателя возникает право на возмещение убытков за весь договор? Первый путь более желателен, так как ложные заявления не должны разрывать договорную связь, но и второй путь тоже имеет место, особенно если уже имеется новый арендатор. На наш взгляд, наиболее правильным будет предоставление арендодателю возможности решать, возобновлять ему договор с арендатором или использовать возмещение своего положительного интереса, потому что в данном случае имеется явная недобросовестность со стороны арендатора [20]. Несмотря на обозначенные проблемы, полагаем, что положительные эффекты от включения текста предложенной нами статьи в ГК РФ перевесят возможные проблемы, связанные с использованием данной нормы.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

На наш взгляд, в ГК РФ необходима дифференциация подходов к расторжению разовых и длящихся договоров, так как изменения в отношениях могут быть такие, что арендатор или арендодатель (в заметно меньшем количестве случаев) перестают быть заинтересованы в исполнении договора в связи с отсутствием выгоды от его исполнения. Действующее законодательство не содержит правил об особых условиях для расторжения длящегося договора, что не позволяет прервать длящиеся отношения без правонарушения. Стороны не могут расторгнуть договор при отпадении экономического интереса, что негативно влияет на одного из контрагентов. Указанные проблемы порождают большое количество споров и несправедливых решений, что особенно видно в отношении договора аренды, а также уменьшает привлекательность длящихся договоров аренды, заключаемых на длительный срок. В связи с этим мы предложили свое видение нормы о расторжении длящегося договора в общей части ГК РФ. Введение нормы об особых условиях расторжения длящихся договоров позволит установить более справедливый режим, который учитывает интересы как лица, которое требует прекращения договора, так и его контрагента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нам К.В. Статья 451 ГК РФ и доктрина существенного изменения обстоятельств // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19. № 6. С. 137–154. DOI: [10.24031/1992-2043-2019-19-6-137-154](https://doi.org/10.24031/1992-2043-2019-19-6-137-154).
2. Петрищев В.С. Время уточнений // Закон. 2020. № 11. С. 156–160. EDN: [ZPCQEC](https://www.edn.ru/2020/11/156-160).
3. Церковников М.А. Государственная регистрация договора: полная отмена или введение противопоставимости // О договорах: сборник статей к юбилею В.В. Витрянского. М.: Статут, 2017. С. 169–184.
4. Федоров Д.В. Эстоппель в арендных отношениях // Закон. 2020. № 4. С. 65–78. EDN: [IDXUSW](https://www.edn.ru/2020/04/65-78).
5. Позднышева Е.В. Расторжение и изменение гражданско-правового договора. М.: ИЗИСП, 2018. 232 с.
6. Карапетов А.Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М.: Статут, 2007. 876 с.
7. Пьянкова А.Ф. Изменение и расторжение договора: о некоторых спорных вопросах обеспечения баланса интересов кредитора и должника // Ex iure. 2018. № 1. С. 56–69. DOI: [10.17072/2619-0648-2018-1-56-69](https://doi.org/10.17072/2619-0648-2018-1-56-69).
8. Белов В.А. Договор аренды: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2018. 159 с.
9. Леонтьев М.И., Левушкин А.Н. Особенности прекращения договора аренды с субъектами малого предпринимательства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 131–133. EDN: [RYNBED](https://www.edn.ru/2021/05/131-133).
10. Скловский К.И. Проблемы применения нормы ст. 451 ГК РФ: валютная оговорка и баланс интересов сторон договора // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 7. С. 64–77. EDN: [WIAJXR](https://www.edn.ru/2016/07/64-77).
11. Нам К.В. Эстоппель в контексте принципа добросовестности // Закон. 2020. № 4. С. 38–46. EDN: [IEXDZU](https://www.edn.ru/2020/04/38-46).
12. Папченкова Е.А. Возврат исполненного по расторгнутому нарушенному договору: сравнительный анализ российского и немецкого права. М.: Статут, 2017. 224 с.
13. Кузьмин Р.Р. Правовая природа аренды земли с позиций опыта Англии, Германии и России: сравнительный анализ // Юрист. 2020. № 2. С. 18–24. DOI: [10.18572/1812-3929-2020-2-18-24](https://doi.org/10.18572/1812-3929-2020-2-18-24).
14. Дарков А.А. Обязательства в современном гражданском праве Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 53–56. DOI: [10.24411/2073-0454-2019-10132](https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10132).
15. Нам К.В. Невозможность исполнения обязательства в немецком гражданском праве // Вестник гражданского права. 2017. Т. 17. № 4. С. 262–282. EDN: [ZFHQFB](https://www.edn.ru/2017/04/262-282).
16. Тухфатуллин С.М. Влияние пандемии COVID-19 на арендные соглашения зданий и сооружений // Вестник науки. 2020. Т. 2. № 11. С. 144–150. EDN: [SEJAED](https://www.edn.ru/2020/11/144-150).
17. Величко В. Как расторгнуть аренду без согласия собственника // Практическая бухгалтерия. 2020. № 6. С. 25–27.
18. Яковлев В.Ф. Модернизация гражданского кодекса Российской Федерации – развитие основных положений гражданского права // Кодификация российского частного права 2019. М.: Статут, 2019. С. 10–22.
19. Акимова И.И. Смешанная вина и снижение убытков при нарушении договора // Опыт гражданского исследования: сборник статей. Вып. 3. М.: Статут, 2019. С. 6–26.
20. Сайфуллин Р.И. Банкротство арендодателя: судьба обременения в виде права аренды // Вестник эконо-

мического правосудия Российской Федерации. 2019. № 10. С. 86–136. EDN: [HABITJ](#).

REFERENCES

- Nam K.V. Article 451 of the Civil Code of the Russian Federation and the doctrine of a substantial change in circumstances. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2019, vol. 19, no. 6, pp. 137–154. DOI: [10.24031/1992-2043-2019-19-6-137-154](#).
- Petrishchev V.S. Time for clarification. *Zakon*, 2020, no. 11, pp. 156–160. EDN: [ZPCQEC](#).
- Tserkovnikov M.A. State registration of the contract: complete cancellation or introduction of opposition. *O dogovorakh: sbornik statey k yubileyu V.V. Vitryanskogo*. Moscow, Statut Publ., 2017, pp. 169–184.
- Fedorov D.V. Estoppel in lease and other continuing contracts. *Zakon*, 2020, no. 4, pp. 65–78. EDN: [IDXUSW](#).
- Pozdnysheva E.V. *Rastorzhenie i izmenenie grazhdansko-pravovogo dogovora* [Termination and modification of a civil law contract]. Moscow, IZiSP Publ., 2018. 232 p.
- Karapetov A.G. *Rastorzhenie narushennogo dogovora v rossiyskom i zarubezhnom prave* [Termination of the violated contract in Russian and foreign law]. Moscow, Statut Publ., 2007. 876 p.
- Pyankova A.F. Amendment and termination of agreement: on some controversial issues of ensuring balance of interests of creditor and debtor. *Ex jure*, 2018, no. 1, pp. 56–69. DOI: [10.17072/2619-0648-2018-1-56-69](#).
- Belov V.A. *Dogovor arendy: nauchno-poznavatelnyy ocherk* [Lease contract: a scientific and educational essay]. Moscow, Statut Publ., 2018. 159 p.
- Leontev M.I., Levushkin A.N. Features of termination of the lease agreement with small businesses. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki*, 2021, no. 5, pp. 131–133. EDN: [RYNBED](#).
- Sklovskiy K.I. Problems of application of art. 451 of the Civil Code of the Russian Federation: currency clause and balance of parties' interests. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2016, no. 7, pp. 64–77. EDN: [WIAJXR](#).
- Nam K.V. Estoppel in the context of good faith principle. *Zakon*, 2020, no. 4, pp. 38–46. EDN: [IEXDZU](#).
- Papchenkova E.A. *Vozvrat ispolnennogo po rastorzheniyu narushennomu dogovoru: sravnitelnyy analiz rossiyskogo i nemetskogo prava* [Return of the executed under the terminated violated contract: a comparative analysis of Russian and German law]. Moscow, Statut Publ., 2017. 224 p.
- Kuzmin R.R. The legal nature of land rent from the standpoint of English, German and Russian experience: a comparative analysis. *Yurist*, 2020, no. 2, pp. 18–24. DOI: [10.18572/1812-3929-2020-2-18-24](#).
- Darkov A.A. Obligations in the modern civil law of the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2019, no. 3, pp. 53–56. DOI: [10.24411/2073-0454-2019-10132](#).
- Nam K.V. Impossibility to perform an obligation in German civil law. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 262–282. EDN: [ZFHQFB](#).
- Tukhfatullin S.M. Impact of the COVID-19 pandemic on lease agreements for buildings and structures. *Vestnik nauki*, 2020, vol. 2, no. 11, pp. 144–150. EDN: [SEJAED](#).
- Velichko V. How to terminate the lease without the consent of the owner. *Prakticheskaya bukhgalteriya*, 2020, no. 6, pp. 25–27.
- Yakovlev V.F. Modernization of the Civil Code of the Russian Federation – development of the main provisions of civil law. *Kodifikatsiya rossiyskogo chastnogo prava 2019*. Moscow, Statut Publ., 2019, pp. 10–22.
- Akimova I.I. Mixed guilt and reduction of losses in case of breach of contract. *Opyty tsivilisticheskogo issledovaniya: sbornik statey*. Moscow, Statut Publ., 2019. Vyp. 3, pp. 6–26.
- Sayfullin R.I. Lessor's bankruptcy: the fate of leasehold encumbrance. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*, 2019, no. 10, pp. 86–136. EDN: [HABITJ](#).

The problem of termination of continuing contracts under the Russian law on the example of a lease agreement

© 2022

Olga A. Vorobyeva*¹, PhD (Pedagogy), assistant professor of Chair “Business and Labor Law”

Maria A. Gordeeva, graduate student

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

*E-mail: olga80_tlt@mail.ru

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7614-3540>

Abstract: The paper studies the problems of the lack of legislative distinguishing between the mechanisms of termination of the continuing and one-time contracts using the example of a lease agreement. The problem has become especially relevant in the context of the COVID-19 pandemic, when the law was faced with the fact that a party could not perform a contract, but could not withdraw from it either. This situation led to a considerable imbalance in the relations of the parties, especially entrepreneurs who have concluded a term contract for the period of more than five years. According to the authors, the continuing contract termination may be relevant both in the event of a pandemic and in many cases when judges refuse to apply Article 451 of the Civil Code of the Russian Federation, which is scarcely used in practice, however, it is the text of this norm that potentially involves the possibility to terminate continuing contracts. The authors substantiate the necessity to include in the current legislation the norms on the differentiation of the continuing and one-time contracts termination using the example of a lease agreement. The paper describes the experience of Germany, analyzes the judicial decisions, which in some cases led to an unfair distribution of risks. The authors propose a draft article on

the termination of a continuing contract, as well as a solution to possible problems that may be caused by the adoption of this article. The authors conclude on the necessity to include in the current legislation the rules for the continuing contracts termination. At present, the only way to eliminate this problem is to specify relevant provision in a contract.

Keywords: continuing contracts; termination of an agreement; termination of a lease agreement.

For citation: Vorobyeva O.A., Gordeeva M.A. The problem of termination of continuing contracts under the Russian law on the example of a lease agreement. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2022, no. 4, pp. 5–11. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-4-5-11.

О правовом регулировании признания недопустимыми доказательств по делам об административных правонарушениях

© 2022

Глуздак Глеб Николаевич, студент*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург (Россия)*E-mail: g.gluzdak.mail@gmail.comORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6071-3350>

Аннотация: Доказательства представляют исключительную важность в производстве по делам об административных правонарушениях, позволяя установить признаки состава правонарушения и достичь истины. Важно, чтобы собирание доказательств производилось в строгом соответствии с нормами закона. Данной цели служит институт недопустимых доказательств. В то же время на основании сравнительного анализа положений КоАП РФ и УПК РФ делается вывод о недостаточности правового регулирования данного института в действующем законодательстве об административных правонарушениях. Формулируются две гипотезы, которыми может быть обусловлена данная проблема: наличие пробела в праве («реальный пробел») и случай квалифицированного молчания законодателя («мнимый пробел»). Подчеркивается возможность и необходимость регулирования отношений, связанных с признанием недопустимыми доказательств по делам об административных правонарушениях. Утверждается, что важность института недопустимых доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях исключает возможность квалифицированного молчания законодателя. На основании вышеизложенных доводов обосновывается справедливость первой гипотезы. Формулируются вопросы, требующие дополнительной правовой регламентации. Предлагается включение в КоАП РФ определения понятия недопустимого доказательства, дополнительная законодательная регламентация в нормах КоАП РФ случаев признания недопустимыми протоколов об административном правонарушении, показаний потерпевшего и свидетелей, а также доказательств, полученных в ходе осуществления контрольно-надзорной деятельности. В связи с этим предлагается дополнить КоАП РФ статьей 26.2.1 «Недопустимые доказательства», диспозиция которой, по мнению автора, может быть сконструирована на основе аналогичной нормы УПК РФ с учетом специфики административно-деликтного законодательства.

Ключевые слова: недопустимые доказательства; признание доказательств недопустимыми; пробел в праве; квалифицированное молчание законодателя; административная юрисдикция; административное право.

Для цитирования: Глуздак Г.Н. О правовом регулировании признания недопустимыми доказательств по делам об административных правонарушениях // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 4. С. 12–17. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-4-12-17.

ВВЕДЕНИЕ

Доказательства являются тем фактическим основанием, которое позволяет установить событие административного правонарушения, а также наличие признаков его состава – конструкции, хотя и не закрепленной в действующем Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), но широко применяющейся в правоприменительной, в том числе судебной, практике.

Целью доказывания является достижение истины. Теория познания рассматривает доказательство в качестве метода познания истины [1]. Принцип объективной истины может рассматриваться в качестве одного из основополагающих начал административно-юрисдикционной деятельности, не поименованных в КоАП РФ [2]. Доказательства играют немаловажную роль не только в производстве по делам об административных правонарушениях, но и в уголовном процессе. Представляется справедливым тезис о том, что на их сборе и анализе строится весь уголовный процесс [3]. Однако в ходе сравнительного анализа норм КоАП РФ и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) обнаруживается, что последний бо-

лее подробно и детально раскрывает содержание института доказательств и доказывания. В наибольшей мере данная проблема затрагивает вопросы признания доказательств недопустимыми.

Конституционным основанием института недопустимых доказательств является положение ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, в соответствии с которым «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона». Хотя в буквальном толковании данная норма затрагивает исключительно деятельность органов судебной ветви власти, в расширительном толковании она может распространяться и на иные органы и должностных лиц, которые уполномочены рассматривать дела об административных правонарушениях.

В соответствии с ч. 3 ст. 26.2 КоАП РФ не допускается использование доказательств по делу об административном правонарушении, в том числе результатов проверки, проведенной в ходе осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, если указанные доказательства получены с нарушением закона. При этом законодатель не формулирует определение понятия недопустимых доказательств. Однако введение такой дефинитивной нормы

представляется необходимым, так как легальные дефиниции обладают огромным значением [4], а их отсутствие можно рассматривать в качестве юридико-технического недостатка. Отсутствует в КоАП РФ и перечисление оснований, которые позволяют отнести то или иное доказательство к недопустимым. В то же время ст. 75 УПК РФ, регулирующая аналогичный институт уголовно-процессуального права, содержит как определение недопустимых доказательств, так и перечисление оснований признания доказательств недопустимыми.

Некоторые исследователи отмечают, что в КоАП РФ отсутствует процедура и правила признания доказательств недопустимыми [5; 6]. При этом в литературе не сложилось единого мнения, чем обусловлена недостаточность правового регулирования института недопустимых доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях: наличием пробела в праве или квалифицированным молчанием законодателя.

Пробел в праве, по определению П.Е. Недбайло, это «пробел в содержании действующего права в отношении факторов общественной жизни, находящихся в сфере правового воздействия» [7, с. 456]; по определению А.В. Краснова – «отсутствие в системе действующего права того правила поведения (нормы), которое должно урегулировать общественное отношение при условии, что оно требует нормативного правового регулирования» [8, с. 21]. Следует отдельно подчеркнуть важность наличия объективной необходимости в закреплении тех или иных норм в формах внешнего выражения права – лишь в этом случае неурегулированность тех или иных общественных отношений может рассматриваться в качестве пробела в праве.

Квалифицированное молчание законодателя, или мнимый пробел в праве, представляет собой ситуацию, при которой законодатель сознательно отказывается от правового регулирования тех или иных отношений, делегируя правоприменителю возможность принимать решения по своему усмотрению¹. Данный феномен может рассматриваться в качестве нормального средства правообразования [9]. Целью квалифицированного молчания законодателя может быть наработка необходимого объема правоприменительной практики [10], однако в этом случае впоследствии такая практика все равно должна получить нормативное закрепление – иначе мнимый пробел в праве становится реальным. Как правило, реальные пробелы в праве рассматриваются в качестве недостатка правовой системы, а мнимые могут иметь положительное значение.

При этом, как справедливо отмечает О.М. Попович, «административная ответственность функционирует в уголовно-правовой сфере, являясь по существу уголовной ответственностью» [11, с. 92].

Цель исследования – установить правовую природу различия в уровне проработанности правовой регламентации института недопустимых доказательств между КоАП РФ и УПК РФ.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в несколько этапов. На первом этапе был проведен сравнительный анализ понятий «пробел в праве» и «квалифицированное молчание законодателя». На втором – сделан вывод о том, что недостаточная регламентация института недопустимых доказательств связана с наличием пробела в праве. На третьем – был сформулирован способ преодоления рассматриваемого пробела в праве.

Важную роль в процессе исследования сыграл сравнительно-правовой метод: сопоставление норм КоАП РФ, регламентирующих институт недопустимых доказательств, с аналогичными нормами УПК РФ позволило прийти к выводу о наличии пробела в административно-деликтном законодательстве и предложить возможный способ его устранения.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объяснить недостаточность правового регулирования института недопустимых доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях можно двумя гипотезами. Первая – наличие пробела в праве, вторая – квалифицированное молчание законодателя.

Полное или частичное отсутствие правового регулирования в действующем законодательстве может рассматриваться в качестве пробела в праве лишь при условии, что данные отношения лежат в сфере возможного и необходимого регулирования правом [12]. На такую возможность и необходимость указывает наличие аналогичных норм в УПК РФ.

Мнимые пробелы возникают искусственно при отсутствии реальной необходимости правового урегулирования общественных отношений [13]. Говоря об институте недопустимых доказательств, мы имеем в виду, что *contra factum non datur argumentum* – против фактов нет аргументов. Доказательства, являясь фактическими данными, представляют исключительную важность для обеспечения всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела. Эта позиция не дает никаких оснований полагать, что законодатель сознательно оставляет открытым вопрос об основаниях признания доказательств недопустимыми, делегируя его решение правоприменителю.

Следовательно, недостаточность правового регулирования института недопустимых доказательств по делам об административных правонарушениях можно рассматривать главным образом как пробел в праве, а не как проявление квалифицированного молчания законодателя. С целью устранения данного пробела предлагается внесение изменений в КоАП РФ.

Истоки рассматриваемого пробела видятся в недостаточно корректной формулировке легального определения понятия доказательств по делам об административных правонарушениях. В соответствии с ч. 1 ст. 26.2 КоАП РФ в качестве доказательств рассматриваются любые фактические данные, в то время как ч. 1 ст. 3.2 проекта нового Процессуального КоАП РФ, предложенного Минюстом России, формулирует определение доказательств как полученных в предусмотренном Процессуальным КоАП РФ и другими федеральными

¹ Морозова Л.А. *Теория государства и права. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2022. 464 с.*

законами порядке сведений о фактах². Вероятно, указание на необходимость соблюдения установленного процессуального порядка в процессе доказывания презюмируется и в действующей редакции КоАП РФ. Законодательное закрепление соответствующего положения является, по мнению автора, необходимым формально-юридическим основанием для признания доказательств, полученных с нарушением установленного законом порядка, недопустимыми, и поэтому представляется необходимым.

Следует отметить, что в проекте нового Процессуального КоАП РФ отсутствуют нормы, конкретизирующие понятие и основания признания доказательств недопустимыми, и это можно рассматривать в качестве одного из недостатков проекта нормативного акта.

В связи с этим представляется обоснованным включение в КоАП РФ понятия «недопустимое доказательство». Несмотря на то что в ходе рассмотрения дел об административных правонарушениях суды, включая высшую судебную инстанцию, нередко оперируют данной категорией³, введение соответствующей дефинитивной нормы будет способствовать повышению уровня формальной определенности норм, регулирующих рассматриваемый институт.

Необходимой видится законодательная регламентация признания недопустимыми протоколов об административном правонарушении. Перечисление, содержащееся в ч. 2 ст. 26.2 КоАП РФ, указывает на протокол об административном правонарушении как на один из основных источников фактических данных, имеющих доказательственное значение. Протокол является основным документом в производстве по делу и выполняет множество функций [14], при этом отдельно значимость данного документа подчеркивает высшая судебная инстанция: в Постановлении Верховного Суда РФ от 08.11.2019 № 18-АД19-64 указывается на то, что признание протокола недопустимым доказательством влечет прекращение производства по делу⁴. В п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 формулируется критерий признания протокола недопустимым – понятие существенного недостатка протокола⁵. Впрочем, можно согласиться с мнением о том, что данный документ не внес ясности в во-

прос определения существенности недостатков протокола, поскольку в разъяснении высшей судебной инстанции его существенные недостатки сводятся к отсутствию в нем предусмотренных ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ данных и иных сведений [15]. В то же время нарушения, связанные, например, с неразъяснением лицу его прав, незнакомлением или ненадлежащим ознакомлением лица с протоколом, выходят за рамки этого понятия в толковании, данном Верховным Судом РФ.

Необходимой представляется законодательная регламентация случаев признания недопустимыми таких видов доказательств в соответствии со ст. 26.3 КоАП РФ, как показания потерпевшего и свидетелей. Если положения п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ отмечают невозможность доказывания вины на основании догадок (суждений о потенциальной возможности или невозможности наступления того или иного события), предположений (необоснованных предварительных суждений) и слухов (суждений, содержащих информацию о неподтвержденных событиях) [16], то КоАП РФ не содержит аналогичного положения. При этом очевидно, что такие доказательства не могут и не должны лежать в основе административного преследования.

Особым вопросом, нуждающимся в дополнительной правовой регламентации, является проблема признания недопустимыми доказательств, полученных в ходе осуществления контрольно-надзорной деятельности, поскольку в этом случае высоки риски нарушения прав граждан и их объединений, в частности предпринимателей [17]. В то же время для обеспечения баланса публичных и частных интересов, имеющего важное значение в государственном управлении [18], возникает необходимость ограничить пределы получения доказательств не просто «нарушением закона», а нарушением требований федерального законодательства, регулирующего вопросы осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Пробел в праве может быть устранен посредством правотворческой деятельности, то есть принятием недостающей правовой нормы [19]. Предложение о дополнении КоАП РФ статьей, устанавливающей правила признания доказательств недопустимыми, не является оригинальным [5; 20]. Между тем такая норма не должна приводить к избыточности в правовом регулировании. Перечень случаев, в которых доказательства могут быть признаны недопустимыми, не должен быть закрытым или слишком громоздким. Видится необходимым предусмотреть ряд случаев, в которых доказательства, имеющие существенные недостатки, однозначно признаются полученными с нарушением требований закона. В остальном правоприменителю – судье, органу, уполномоченному рассматривать дела об административных правонарушениях – должна быть предоставлена возможность решать в каждом конкретном случае, являются ли те или иные доказательства недопустимыми. Наиболее обоснованной представляется разработка норм КоАП РФ, регламентирующих институт недопустимых доказательств, на основе аналогичных норм УПК РФ с учетом специфики административно-деликтного законодательства.

² Проект Федерального закона «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России 30.01.2020) // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/56821726/>.

³ Постановление Верховного Суда РФ от 12.07.2022 № 5-АД22-53-К2 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/md2=1isk16Zv/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=5-АД22-53-К2&vsrf-lawchuninfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&=1671512675979.

⁴ Постановление Верховного Суда РФ от 08.11.2019 № 18-АД19-64 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/qDLXAHFcpnmh/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=18-АД19-64&vsrf-lawchuninfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&=1671512804346.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

В качестве критериев недопустимости доказательств по делам об административных правонарушениях, как правило, предлагается рассматривать основания, сформулированные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия». К ним относятся, во-первых, нарушение гарантированных Конституцией РФ прав человека и гражданина при собирании и закреплении доказательств; во-вторых – нарушение порядка собирания и закрепления доказательств ненадлежащим лицом; в-третьих – собирание и закрепление доказательств ненадлежащим лицом; в-четвертых – собирание и закрепление доказательств в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами [5].

Необходимость признания недопустимыми доказательств, полученных с нарушением конституционных прав и свобод человека и гражданина, обусловлена прямым действием Конституции РФ и, по мнению автора, не требует дополнительной регламентации в административно-деликтном законодательстве. Однако правила (точнее – критерии) признания недопустимыми доказательств, собранных и закрепленных неустановленным порядком, или ненадлежащим субъектом, или в результате ненадлежащих действий, должны быть изложены отсылочным способом в отдельной норме КоАП РФ.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Таким образом, недостаточность правового регулирования института недопустимых доказательств по делам об административных правонарушениях следует рассматривать как пробел в праве, а не как случай квалифицированного молчания законодателя.

В связи с этим представляется обоснованным ч. 1 ст. 26.2 КоАП РФ после слов «фактические данные» дополнить словами «полученные в предусмотренном настоящим Кодексом и другими федеральными законами порядке», а также дополнить КоАП РФ ст. 26.2.1 следующего содержания:

«Статья 26.2.1. Недопустимые доказательства

1. Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут использоваться для выяснения любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 26.1 настоящего Кодекса.

2. К недопустимым доказательствам относятся:

1) протоколы об административных правонарушениях, составленные с нарушением требований настоящего Кодекса;

2) показания потерпевшего и свидетелей, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности;

3) доказательства, полученные в ходе осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля с нарушением требований Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», а также других федеральных законов в области

государственного контроля (надзора) и муниципального контроля;

4) иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ветрова А.А. Доказывание как процесс познания истины // Юристы-Правоведы. 2009. № 2. С. 26–29. EDN: [KGQCQX](#).
2. Сургутсков В.И., Бекмурзинова К.К. Принцип объективной истины, доказывание и его субъекты по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения // NB: Административное право и практика администрирования. 2020. № 4. С. 79–93. DOI: [10.7256/2306-9945.2020.4.34551](#).
3. Гарипов Т.И. Значение доказательств в теории уголовно-процессуального доказывания: проблемы и пути их решения // Мониторинг правоприменения. 2021. № 4. С. 74–81. DOI: [10.21681/2226-0692-2021-4-74-81](#).
4. Вопленко Н.Н., Давыдова М.Л. Правовые дефиниции в современном российском законодательстве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. 2001. № 1. С. 64–71. EDN: [HROVCD](#).
5. Нобель А.Р. Определение допустимости доказательств по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 76–84. DOI: [10.17803/1994-1471.2016.62.1.076-084](#).
6. Полинцов К.А., Руденко А.В. Доказывание в делах об административных правонарушениях. Симферополь: АРИАЛ, 2020. 120 с. EDN: [TJOSNY](#).
7. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. 511 с.
8. Краснов А.В. К вопросу о пробелах в праве и способах их восполнения и преодоления // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». 2018. Т. 14. С. 19–27. EDN: [UZSRYU](#).
9. Баранов В.М. «Квалифицированное молчание законодателя» как общеправовой феномен (к вопросу о сущности и сфере функционирования пробелов в праве) // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 75–78. EDN: [JWUCGP](#).
10. Васильев Ю.И. Квалифицированное молчание законодателя как общеправовой феномен (постановка проблемы) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1. С. 227–230. EDN: [TMOJKX](#).
11. Попович О.М. Юридические лица: проблемы административной и уголовной ответственности // Вестник экономической безопасности. 2017. № 2. С. 89–94. EDN: [YYZLVT](#).
12. Костенко М.А. Пробел в праве как разновидность правотворческой ошибки // Известия ЮФУ. Технические науки. 2008. № 10. С. 117–123. EDN: [KAPDUB](#).
13. Зайцева Е.С., Козловский П.В. Понятие «мнимые пробелы в праве» и роль мнимых пробелов в механизме правового регулирования // Современное право. 2015. № 7. С. 33–37. EDN: [UBSHDP](#).

14. Тимошенко И.В. Функциональный аспект протокола об административном правонарушении как юрисдикционного акта // *Lex Russica (Русский закон)*. 2020. Т. 73. № 3. С. 45–54. DOI: [10.17803/1729-5920.2020.160.3.045-054](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.160.3.045-054).
15. Мурашева Л.Ф. Проблема корректности при составлении протокола об административном правонарушении на стадии подготовки к рассмотрению дела мировым судьей // *Вестник Московского университета МВД России*. 2013. № 1. С. 12–14. EDN: [PYHWCT](https://elibrary.ru/yjhwct).
16. Хакимова Г.Ш. Лингвистические исследования речевого жанра слухов в современном медиадискурсе: систематический обзор отечественных работ // *Вестник Башкирского университета*. 2021. Т. 26. № 3. С. 804–812. DOI: [10.33184/bulletin-bsu-2021.3.47](https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2021.3.47).
17. Абакумова Е.Б. Проблемы института защиты прав предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля // *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал*. 2015. № 4. С. 75–79. EDN: [UFGIRX](https://elibrary.ru/ufgirn).
18. Уманская В.П. Баланс публичных и частных интересов в государственном управлении // *Федерализм*. 2017. № 1. С. 93–104. EDN: [YJYCOB](https://elibrary.ru/yjycob).
19. Герасимова Н.Р., Гадеева А.Е. Пробелы в праве и способы их устранения // *Социально-политические науки*. 2012. № 2. С. 74–75. EDN: [PAGQFH](https://elibrary.ru/pagqfh).
20. Руденко А.В., Полюнцов К.А. Правовое разграничение допустимости и недопустимости доказательств в делах об административных правонарушениях // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2018. Т. 4. № 1. С. 188–196. EDN: [XRTVJR](https://elibrary.ru/xrtvjr).
7. Nedbaylo P.E. *Primenenie sovetskikh pravovykh norm* [The use of Soviet law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 511 p.
8. Krasnov A.V. To a question on blanks in the law and ways of their completion and overcoming. *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala "Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya"*, 2018, vol. 14, pp. 19–27. EDN: [UZSRYU](https://elibrary.ru/uzsryu).
9. Baranov V.M. "Qualified Silence of the Legislator" as a General Legal Phenomenon. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*, 2008, no. 1, pp. 75–78. EDN: [JWUCGP](https://elibrary.ru/jwucgp).
10. Vasilev Yu.I. Qualified silence of the legislator as general legal phenomenon (formulation of the problem). *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2015, no. 1, pp. 227–230. EDN: [TMOJKX](https://elibrary.ru/tmojkk).
11. Popovich O.M. Artificial person: problems of administrative and criminal liability. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2017, no. 2, pp. 89–94. EDN: [YYZLVV](https://elibrary.ru/yyzlvv).
12. Kostenko M.A. Deficiency of law as a form of lawmaking error. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki*, 2008, no. 10, pp. 117–123. EDN: [KAPDUB](https://elibrary.ru/kapdub).
13. Zaytseva E.S., Kozlovskiy P.V. Concept of legal colorable gaps and role of colorable gaps in mechanism of legal regulation. *Sovremennoe pravo*, 2015, no. 7, pp. 33–37. EDN: [UBSHDP](https://elibrary.ru/ubshdp).
14. Timoshenko I.V. Functional aspect of a protocol on administrative offense as a jurisdictional act. *Lex Russica (Russkiy zakon)*, 2020, vol. 73, no. 3, pp. 45–54. DOI: [10.17803/1729-5920.2020.160.3.045-054](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.160.3.045-054).
15. Murasheva L.F. The problem of the correctness of the drawing up the protocol about an administrative offense on preparation on the stage of preparation to hear the case of a justice of the peace. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2013, no. 1, pp. 12–14. EDN: [PYHWCT](https://elibrary.ru/pyhwct).
16. Khakimova G.Sh. Linguistic studies of the speech genre of rumors in modern media discourse: a systematic review of Russian literature. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2021, vol. 26, no. 3, pp. 804–812. DOI: [10.33184/bulletin-bsu-2021.3.47](https://doi.org/10.33184/bulletin-bsu-2021.3.47).
17. Abakumova E.B. Problems of rights protection businessmen at implementation of the state control (supervision), municipal control. *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskiy zhurnal*, 2015, no. 4, pp. 75–79. EDN: [UFGIRX](https://elibrary.ru/ufgirn).
18. Umanskaya V.P. The balance of public and private interests in the state administration. *Federalizm*, 2017, no. 1, pp. 93–104. EDN: [YJYCOB](https://elibrary.ru/yjycob).
19. Gerasimova N.R., Gadeeva A.E. Blanks in the right and ways of their elimination. *Sotsialno-politicheskie nauki*, 2012, no. 2, pp. 74–75. EDN: [PAGQFH](https://elibrary.ru/pagqfh).
20. Rudenko A.V., Polyntsov K.A. The legal distinction between the admissibility and inadmissibility of evidence in cases on administrative offenses. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, 2018, vol. 4, no. 1, pp. 188–196. EDN: [XRTVJR](https://elibrary.ru/xrtvjr).

REFERENCES

1. Vetrova A.A. Proving as a process of learning the truth. *Yurist-Pravoved*, 2009, no. 2, pp. 26–29. EDN: [KGQOCX](https://elibrary.ru/kgqocx).
2. Surgutskov V.I., Bekmurzinova K.K. The principle of objective truth, substantiation and its subjects in cases of administrative traffic offences. *NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya*, 2020, no. 4, pp. 79–93. DOI: [10.7256/2306-9945.2020.4.34551](https://doi.org/10.7256/2306-9945.2020.4.34551).
3. Garipov T.I. Significance of evidence in the theory of criminal procedure proof: problems and ways to solve them. *Monitoring pravoprimeneniya*, 2021, no. 4, pp. 74–81. DOI: [10.21681/2226-0692-2021-4-74-81](https://doi.org/10.21681/2226-0692-2021-4-74-81).
4. Voplenko N.N., Davydova M.L. Legal definitions in the current Russian legislation. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo*, 2001, no. 1, pp. 64–71. EDN: [HROVCD](https://elibrary.ru/hrovcd).
5. Nobel A.R. Determination of admissibility of evidence in administrative offences. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2016, no. 1, pp. 76–84. DOI: [10.17803/1994-1471.2016.62.1.076-084](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2016.62.1.076-084).
6. Polyntsov K.A., Rudenko A.V. *Dokazyvanie v delakh ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Evidence in administrative offense cases]. Simferopol, ARIAL Publ., 2020. 120 p. EDN: [TJOSNY](https://elibrary.ru/tjosny).

On the legal regulation of recognizing inadmissible the evidence in administrative violation cases

© 2022

Gleb N. Gluzdak, student

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Public Prosecution Office of the Russian Federation,
St. Petersburg (Russia)*

E-mail: g.gluzdak.mail@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6071-3350>

Abstract: Evidence is vitally important in the proceedings on administrative violation cases, which allows identifying the signs of the constituent elements of an offense and reaching the truth. In this regard, it is important to collect evidence in strict accordance with the norms of the law. The institution of inadmissible evidence serves this purpose. At the same time, based on a comparative analysis of the provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the author concludes on the insufficiency of legal regulation of this institution in the current legislation on administrative offenses. The paper formulates two hypotheses that may cause this problem: the presence of a gap in the law (“real gap”) and the case of the legislator’s intentional silence (“imaginary gap”). The author emphasizes the possibility and necessity to regulate the relations associated with the recognition of evidence in administrative violation cases as inadmissible. It is stated that the importance of the institution of inadmissible evidence in the proceedings on administrative violation cases excludes the possibility of the legislator’s qualified silence. Based on the above arguments, the author substantiates the validity of the first hypothesis. Issues requiring additional legal regulation are identified. The author proposes to include in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation a definition of the concept of inadmissible evidence, the additional legislative regulation in the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of cases of recognition as inadmissible of administrative offense protocols, the testimony of a victim and witnesses, as well as an evidence obtained during control and supervisory activities. In this regard, the author proposes supplementing the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation with Article 26.2.1 “Inadmissible Evidence”, which disposition, to the author’s opinion, can be constructed based on a similar norm of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, taking into account the specifics of administrative-delictual legislation.

Keywords: inadmissible evidence; recognition of evidence inadmissible; gap in the law; legislator’s qualified silence; administrative jurisdiction; administrative law.

For citation: Gluzdak G.N. On the legal regulation of recognizing inadmissible the evidence in administrative violation cases. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2022, no. 4, pp. 12–17. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-4-12-17.

Уголовно-правовые и криминологические аспекты детоубийства в английской системе права

© 2022

*Жирова Марина Юрьевна*¹, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Кондратюк Сергей Викторович^{*2}, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

*E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2375-8119>

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

Аннотация: В статье рассмотрены уголовно-правовые и криминологические аспекты убийства матерью собственного новорожденного ребенка (преступления неонатцида). Актуальность темы обусловлена проблемами применения наработок зарубежных школ в отечественной правовой науке. Научная мысль англосаксонской школы права достигла существенных результатов в плане предупреждения такого социального явления, как неонатцид, однако в отечественной научной литературе указанные достижения еще не нашли должного отображения. Работа посвящена исследованиям неонатцида в англосаксонской научной литературе. Обобщены результаты исследований, посвященных проблемам квалификации и предупреждения неонатцида в англосаксонском праве. На основе положений англосаксонского права уточнена терминология данного понятия. Проанализированы вопросы государственного обвинения по делам о преступлениях неонатцида. Отмечена множественность трактовок состава данного преступления. Выделены противоречия в американской и английской судебной практике. Показано, что в англосаксонской правовой системе внимание уделяется психологическому состоянию роженицы и другим элементам субъективной стороны преступления. Минимизация тяжести уголовного наказания за неонатцид с учетом психологического состояния роженицы способствует укреплению уголовно-правовой защиты жизни новорожденных. Ценность для отечественной науки представляет уточнение обстановки совершения, последовательности действий виновного лица по приготовлению и исполнению детоубийства. В структуре способа совершения преступления выделены действия по причинению новорожденному смертельных повреждений. Показаны отличия указанного преступления от оставления ребенка в беспомощном состоянии. Выделены другие действия, характерные для преступления неонатцида. Сделан вывод, что для отечественной криминологии применимы меры, практикуемые в странах англосаксонской системы права. Профилактические меры сводятся к разносторонней социальной помощи женщинам детородного возраста. По мнению ученых, занимающихся англосаксонским правом, действенным направлением профилактики является обязательное просвещение молодых женщин по вопросам полового здоровья. Такое направление профилактики применимо и в отечественной практике.

Ключевые слова: англосаксонская система права; неонатцид; убийство матерью новорожденного; криминологическая профилактика; тенденции декриминализации.

Для цитирования: Жирова М.Ю., Кондратюк С.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты детоубийства в английской системе права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 4. С. 18–27. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-4-18-27.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день ученые-правоведы и криминологи уделяют внимание различным аспектам состава преступления и профилактики убийства матерью новорожденного ребенка (ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) [1–3]. В отечественной научной литературе изучены аспекты обстановки совершения данного преступления, последовательности действий виновного лица по приготовлению к детоубийству и исполнению задуманного [4; 5]. Изучены признаки психического состояния роженицы, мотивы ее противоправных действий [6; 7]. Немало внимания уделено криминологическим аспектам указанного преступления – негативной микросоциальной среде, сложным жизненным обстоятельствам и др. [8; 9]. Проблемными остаются применимые для современных условий вопросы квалификации данного преступления, а также

направления уголовно-процессуального, криминологического и других видов профилактики детоубийства [10; 11].

В указанных работах отечественных авторов последовательно применяется междисциплинарный подход. Преступление неонатцида рассмотрено в системе проблем уголовного права, психологии и психиатрии, а также социологии и криминологии.

Так, исследователями отмечены противоречия между элементами состава данного преступления [1]. Проблемным остается вопрос его объекта – с какого момента жертву преступления считать новорожденным. Выделена проблема способа совершения данного преступления – различия неонатцида и криминального аборта [2]. Авторы ставят вопрос о вменяемости матери при убийстве новорожденного в условиях психотравмирующей ситуации и в состоянии психического расстройства [3]. Большинство ученых определяют неонатцид как убийство, совершенное в первые 24 часа

жизни новорожденного. Авторы [4] указывают на несоизмеримую мягкость наказания за преступления данного вида по сравнению со степенью их общественной опасности.

В [5] обозначены психотравмирующие факторы, воздействующие на личность преступника. Проблемным остается вопрос психического состояния матери, обвиняемой в убийстве собственного новорожденного ребенка. Для установления факта повышенной эмоциональной напряженности необходимо применение специальных знаний в области психологии. Эмоциональная напряженность связана с психическим состоянием стресса и внутриличностного конфликта у матери новорожденного, а также с наличием психотравмирующего опыта как в детстве, так и во взрослой жизни. Матери совершают убийство собственного ребенка или стараются избавиться от него иными способами, желая отомстить своему насильнику. Тип поведения женщины при совершении данного деяния отнесен к избегающему [6]. Проявлением самосохраняющего поведения считается неонатичесид у девушек-подростков и молодых женщин. В состоянии высокой эмоциональной напряженности поведение такой матери нельзя считать адекватным, а ее поступки обдуманными. Пренатальные психические расстройства у женщин увеличивают риск развития послеродовых психопатологических переживаний. В работе [7] приводятся свидетельства о наличии чувства стыда у лиц указанной категории.

Выделены условия психических заболеваний роженицы, решившейся на убийство собственного ребенка. Среди причин делинквентного поведения женщин в отношении своего новорожденного ребенка ученые видят влияние клинико-психопатологических факторов, таких как психические расстройства и аномалии психического состояния женщины. Кроме того, врачи-психиатры могут выявлять связанные с новорожденным контрастные навязчивые переживания у роженицы [8].

Социальная обстановка, приводящая женщину к совершению данного преступления, может характеризоваться общественной нетерпимостью к рождению внебрачных детей. В качестве условия возникновения раннего детоубийства назван низкий социально-экономический статус родителей. Считается, что к неонатичесиду приводят тяжелые условия социально-экономической среды. Причиной преступления рассматриваемого вида названо чувство стыда из-за рожденного внебрачного ребенка и, как следствие, страх социального неодобрения [9].

В [10] затронуты вопросы криминологического предупреждения неонатичесида. К профилактическим мерам отнесены наблюдение за психическим состоянием женщин во время беременности и в послеродовой период. Целенаправленно выявляются группы риска. Профилактическую роль должно сыграть ужесточение наказания за преступления данного вида. Предложено усилить контроль за медицинским состоянием беременных женщин со стороны государственных органов. Рекомендовано учитывать все случаи внебрачной беременности, если она может вызвать порицание и осуждение родственников женщины [11]. Немаловажным признан вопрос проверки уровня квалификации медицинских сотрудников, связанных с родильным отделением. Ученые подчеркивают необходимость усиления

социальной функции государства и морально-нравственного оздоровления общества. Для профилактики данного рода преступлений необходимо прежде всего усиливать социальную поддержку малоимущих и многодетных семей, матерей-одиночек, пропагандировать среди молодежи образец полной и благополучной семьи, налаживать профилактическую работу с женщинами из группы риска [3].

Следует отметить, что значительный вклад в отечественную науку может внести зарубежный опыт уголовно-правового и криминологического исследования убийства матерью новорожденного ребенка (преступления неонатичесида). Так, в англосаксонском правоведении эта тема поднята достаточно давно^{1,2,3}. Еще в первой четверти прошлого века учеными исследовались социальные причины данного преступления и формировалась его уголовно-правовая оценка⁴. Нарботки, достигнутые англосаксонской школой правоведения [12], могут представлять интерес для отечественной науки. Опыт изучения неонатичесида с позиций уголовного права и криминологии, накопленный в англосаксонской научной литературе, в недостаточной мере привлечен в отечественный научный оборот, в то время как многие аспекты выявления случаев неонатичесида и противодействия его распространению, изучаемые в англосаксонском праве, представляют интерес в плане реализации уголовно-правовой нормы ст. 106 УК РФ.

Цель исследования – обобщение современных достижений науки в сфере англосаксонского права по направлениям уголовно-правового и криминологического исследования феномена убийства матерью собственного новорожденного ребенка (преступления неонатичесида).

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объект настоящего исследования – законодательство стран англосаксонской системы и практика его применения, касающаяся вопросов квалификации и предупреждения убийства матерью собственного новорожденного ребенка (преступлений неонатичесида). Предмет исследования – аспекты уголовно-правовой квалификации и криминологического предупреждения преступлений данного вида. Исследование проведено на материалах законодательных актов, практики расследования и криминологического предупреждения преступлений неонатичесида, представленных в научной литературе англосаксонской школы. Ввиду единичности преступлений рассматриваемого вида применен кейс-метод для изучения сведений об отдельных фактах убийства матерью собственного новорожденного ребенка (преступлений неонатичесида).

В результате теоретического исследования определены структурные элементы состава рассматриваемого преступления. Методом сравнительно-правового анализа

¹ Atkinson S.B. *Life, Birth and Live-Birth* // *Law Quarterly Review*. 1904. № 20. P. 134–159.

² Resnick P.J. *Murder of the Newborn: A Psychiatric Review of Neonaticide* // *American journal of psychiatry*. 1970. № 126. P. 1414–1420.

³ D'Orbán P.T. *Women Who Kill Their Children* // *The British Journal of Psychiatry*. 1979. № 134. P. 560–571.

⁴ Atkinson S.B. *Life, Birth and Live-Birth* // *Law Quarterly Review*. 1904. № 20. P. 134–159.

выделены типичные действия, составляющие объективную сторону данного преступления. Формально-логический метод положен в основу рекомендаций по криминологическому предупреждению преступлений указанного вида. Основные выводы подкреплены примерами из судебной практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие «неонатид»: основные подходы

В англоязычных законодательных актах, литературе и правоприменительной практике для обозначения убийства матерью (и не только) новорожденного ребенка используется понятие «неонатид», или «неонатубийство» (англ. neonaticide), что, собственно, и означает убийство новорожденного ребенка. Для удобства изложения в дальнейшем при анализе положений англосаксонской системы права мы будем придерживаться используемого там понятия.

В литературе отмечаются следующие типичные черты феномена неонатубийства: незамужняя женщина переживает нежелательную беременность, рождает в одиночестве, отчаяние приводит ее к мысли об убийстве ребенка. Подобные случаи необычны для современного западного общества и эмоционально тревожат общественность и профессионалов. Немалое значение имеют и правовые оценки этого явления, а именно – возможная уголовная ответственность женщин, чьи дети умирают при рождении.

Термин «неонатид» в научной литературе впервые использовал Р.Ж. Ресник в своей работе 1970 года для описания убийства младенцев в течение первых 24 часов жизни⁵. Он, а позже и другие авторы утверждали, что это особая форма убийства детей, которое обычно совершает мать, пережившая нежелательную беременность⁶. Термин «неонатид» широко используется в современной медицинской, юридической, психиатрической, психологической и криминологической литературе. Было предпринято много попыток понять причины этого явления и рассмотреть возможности его предотвращения.

В литературе подчеркивается, что при оценке количества неонатидов следует учитывать высокий уровень латентности таких преступлений. В связи с этим отмечается неточность данных об их количестве в официальной статистике. Так, в свое время А. Вилчынски утверждал, что истинное число случаев детских убийств (возраст жертв – до 16 лет) в 3–7 раз превышает данные официальной статистики⁷. Более поздние исследования подтверждают данный вывод [13].

В Великобритании не ведется официальных записей о том, сколько детей погибает в течение первого дня жизни. Хотя Министерство внутренних дел ведет статистику общего количества убийств, констатация факта убийства применительно к новорожденному весьма

затруднительна, и многие случаи неонатидов не учитываются в официальной статистике.

В некоторых случаях смерть плода или новорожденного ребенка может быть зарегистрирована как уголовное преступление сокрытия рождения. Раздел 60 Закона о преступлениях против личности 1861 года (англ. Offences against the Person Act, ОАПА) квалифицирует как преступление сокрытие тела мертворожденного ребенка с целью скрыть сам факт рождения. Для вынесения обвинительного приговора не имеет значения, как и когда наступила смерть. Таким образом, случаи подозрения на сокрытие тела мертворожденного ребенка фактически могут быть случаями неонатидов.

Из-за тесной связи между сокрытием тела мертворожденного ребенка и убийствами новорожденных вполне возможно, что некоторые смерти регистрируются одновременно и как убийства, и как сокрытие тела мертворожденного ребенка. Это приводит к дублированию подсчета. Несмотря на эти погрешности, количество известных случаев неонатидов в Великобритании составляет в среднем 7 смертей в год⁸. Опираясь на приведенные выше данные об уровне латентности таких преступлений, согласно которым фактические цифры как минимум в три раза превышают официальную статистику, можно констатировать, что возможное количество убийств новорожденных, происходящих каждый год в Великобритании, может достигать до 21.

Неонатубийство совершается почти исключительно женщинами. В литературе выявлены существенные черты женщины, совершающей данное преступление. Она молода, часто – подросток, одинока, живет с родителями, происходит из семьи с низким социально-экономическим положением и имеет мало финансовых, социальных или эмоциональных ресурсов для того, чтобы справиться с беременностью; часто пассивна, не предпринимает активных действий для решения своей проблемы [14].

Однако не все женщины-детоубийцы соответствуют данному стереотипу. В ходе многочисленных исследований были выявлены преступницы значительно старше подросткового возраста.

В литературе также существуют разногласия по поводу социально-экономического положения преступников. Так, например, исследование, проведенное на основе материалов дел правоохранительных органов США, показало, что в большинстве рассмотренных случаев женщины принадлежали к среднему классу, и только 5 из 37 женщин были представительницами рабочего класса [15]. Во многих исследованиях сообщается, что преступницы не всегда одиноки, бездетны или живут с родителями. Например, согласно полученным данным, 16 из 28 преступниц были замужем или жили с партнером, и все шестнадцать сообщили о сексуальных отношениях во время беременности [16]. Другое исследование показало, что у 15 из 40 преступниц были предыдущие беременности [15].

Одно несомненное сходство между случаями убийства новорожденных заключается в том, что женщины скрывают свою беременность от всех и особенно от

⁵ Resnick P.J. *Murder of the Newborn: A Psychiatric Review of Neonaticide* // *American journal of psychiatry*. 1970. № 126. P. 1414–1420.

⁶ D'Orbán P.T. *Women Who Kill Their Children* // *The British Journal of Psychiatry*. 1979. № 134. P. 560–571.

⁷ Wilczynski A. *Child Homicide*. London: Greenwich Medical Media Ltd., 1997. 278 p.

⁸ Milne E. *Suspicious perinatal death and the law: criminalising mothers who do not conform*. Essex: University of Essex, 2017. 329 p.

близких людей, чьей реакции на их беременность они опасаются: от родителей, других родственников и партнеров. Неонатид часто следует за сокрытием или отрицанием беременности, что создает трудности для его обнаружения и любого последующего судебного преследования.

В литературе ведутся споры о том, может ли женщина не знать, что она беременна. Некоторые ученые утверждают, что женщины, оказавшиеся в ситуации, когда беременность нежелательна, безусловно должны знать о своей беременности, но могут отрицать ее существование перед собой и другими с целью ее сокрытия [17]. Другие отмечают различие между женщиной, которая знает, что она беременна, и скрывает беременность от других, и женщиной, которая не осознает свою беременность и поэтому отрицает ее существование [18]. Третьи фиксируют одновременное присутствие отрицания и сокрытия и утверждают, что женщины в разное время беременности могут переживать разные ощущения [19]. Другими словами, из литературы трудно сделать однозначный вывод о том, может ли женщина не знать о своей беременности до начала родов.

Уголовно-правовые аспекты неонатиды

В литературе неонатидом может называться смерть младенцев в период, непосредственно предшествующий рождению. В уголовном праве подход к определению понятия «неонатид» несколько иной.

В английской системе права не существует такого состава преступления, как неонатид. Ряд преступлений, которые включают в себя как стандартные убийства (умышленное и непредумышленное), а также иные преступления, объединенные тем фактом, что смерть наступила в контексте беременности и родов (например, детоубийство, сокрытие тела мертворожденного ребенка), могут использоваться для обвинения в преступлении женщин, чьи младенцы умирают при рождении.

Важно отметить, что тот факт, что младенец умер в момент рождения, даже если это произошло из-за предосудительного поведения со стороны матери, совершившей акт насилия или проявившей небрежное отношение к безопасности протекания родов, необязательно означает, что она виновна в преступлении с правовой точки зрения. Вывод о совершении или несовершении преступления зависит от того, будет ли установлен при этом состав конкретного преступления на основании имеющихся доказательств.

В английской системе права привлечение женщин к уголовной ответственности за смерть их младенцев при рождении порождает множество сложностей. Многие трудности возникают из-за того, что в законе проводится различие между плодом и уже родившимся ребенком, обладающим в силу самого факта рождения правоспособностью, а также из-за различных уровней защиты, предполагаемых для каждого из них. Некоторые из вопросов, которые возникают в связи с криминализацией деяний женщин в случае смерти их младенцев при рождении, требуют отдельного рассмотрения.

Первым в ряду таких вопросов следует упомянуть так называемое «правило рождения живым».

В повседневном языке термины «плод», «ребенок» и «младенец» могут быть использованы для описания

личности и статуса тех, кто умирает во время рождения. Однако юридически ситуация осложняется разграничением между плодом и рожденным ребенком, которое возникает в силу правила живорождения. В случае подозрения на убийство новорожденного закон требует доказательства того, что жертва была правоспособным лицом⁹. Это означает, что осуждение за убийство, непредумышленное убийство или детоубийство возможно только в том случае, если на момент наступления смерти жертва «была живой».

Закон исходит из того, что живым можно признать новорожденного, если его тело полностью вышло из родовых путей, не осталось внутри матери и существовало самостоятельно¹⁰.

Исторически в законе не сложилось ясности в отношении того, что представляет собой независимое существование новорожденного, поскольку «отсутствовало официальное определение живорождения в теории права»¹¹. Для этого определения были важны вопросы, касающиеся того, дышал ли ребенок, было ли у него самостоятельное кровообращение, была ли перерезана пуповина и т. д.

Принятые в настоящее время критерии независимого существования ребенка от матери, вытекающие из прецедентного права XIX века, сводятся к следующему: сохраняющаяся (не перерезанная) пуповина не препятствует признанию ребенка уже рожденным; самостоятельное дыхание ребенка является одним из основных факторов, который принимается во внимание, но и он не является решающим.

Если смерть наступила до того, как ребенок родился, считается, что убийство не совершалось. В таких случаях в зависимости от фактических обстоятельств дела обвинение может определить состав какого-либо другого преступления. Например, женщину могут обвинить в сокрытии тела мертворожденного ребенка или провоцировании выкидыша (ст. 1 Закона Соединенного Королевства о сохранении жизни младенцев 1929 года, англ. *Infant Life (Preservation) Act 1929*). Однако, хотя каждое из этих правонарушений допускает осуждение за преступление в отсутствие живорождения, они имеют свои собственные уникальные признаки объективной стороны преступления, которые, исходя из доказательств, могут помешать успешному судебному преследованию за детоубийство.

Правило живорождения и иные юридические аспекты уголовной ответственности за убийство могут означать, что даже в случае смерти младенца уже после того, как он признается родившимся, могут существовать другие причины, связанные с юридическим разграничением между плодом и родившимся ребенком, исключающие осуждение за детоубийство. Например, если до рождения ребенка были совершены некие действия, которые привели к его смерти уже после рождения,

⁹ *Coke E. The Fourth Part of the Institutes of the Laws of England: Concerning the Jurisdiction of Courts. 6th ed. London: Printed by W. Rawlins, for Thomas Basset at the George near St. Dunstons Church in Fleet-street, 1681. 364 p.*

¹⁰ *Ormerod D., Laird K. Smith and Hogan's Criminal Law. 16th ed. Oxford: Oxford University Press, 2021. 1143 p.*

¹¹ *Atkinson S.B. Life, Birth and Live-Birth // Law Quarterly Review. 1904. № 20. P. 134–159.*

могут возникнуть проблемы обоснования виновности в таком преступлении из-за юридического различия между понятиями «плод» и «человек»¹².

Проблема криминализации преступной неосторожности матери

Случаи «неонатубийства», обсуждаемые в литературе, показывают, что смерть младенцев во время рождения не всегда связана с преднамеренным актом насилия [15].

Новорожденные могут умереть по разным причинам, включая: неспособность матери обеспечить безопасные роды, обратившись за медицинской помощью; невыполнение во время самостоятельных родов определенных действий по обеспечению выживания новорожденного, таких как перерезание и перевязывание пуповины; неправильное обращение с новорожденным во время или после родов (например, случайное удушение или удушение при попытке изгнания ребенка из родовых путей); оставление ребенка одного после рождения.

В случаях, когда смерть наступила не в результате преднамеренного акта насилия, а в результате поведения, которое в англосаксонской доктрине именуется «пренебрежением» (англ. «neglect»), возникают два вопроса. Первый касается ограничений на установление уголовной ответственности за бездействие. Второй вопрос связан с установлением степени вины и заключается в выяснении, может ли женщина быть привлечена к ответственности за преступление, связанное с убийством, когда смерть наступила из-за материнской небрежности.

В целом английское уголовное законодательство неохотно признает криминальными деяния, выраженные бездействием. Существуют некоторые ограниченные обстоятельства, когда закон налагает «обязанность действовать» и когда бездействие может привести к уголовной ответственности за убийство. Одной из общепризнанных обязанностей является обязанность родителя по отношению к своему ребенку. Однако вопрос о том, обязана ли женщина действовать в отношении своего будущего ребенка, осложняется правилом рождения живым. Признается, что родительская обязанность действовать возникает только после того, как ребенок родился живым. Ранее прецедентное право устанавливало, что решения родить в одиночку и, следовательно, не подготовиться к родам недостаточно для признания виновным в убийстве. Пренебрежения по отношению к ребенку до рождения также недостаточно, должны быть доказательства пренебрежения к ребенку уже после его рождения живым¹³.

В соответствии с гражданским, а не уголовным правом женщина не несет «обязанности по уходу» за своим плодом и, следовательно, не может быть привлечена к ответственности за вред, который она причинила ребенку своим небрежным поведением, пока ребенок был плодом. Единственным исключением являются травмы, полученные в результате дорожно-транспортного происшествия. Женщины не теряют права решать, что им

делать со своим телом, несмотря на то, что они беременны. В контексте медицинского права женщины могут отказаться от лечения (например, кесарева сечения), даже если это связано с риском смерти плода или ребенка. Апелляционный суд по одному из резонансных дел на вопрос о том, могут ли женщины, причинившие серьезный вред своему плоду (и ребенку) в результате чрезмерного употребления алкоголя во время беременности, нести за это уголовную ответственность в соответствии с действующим законодательством, дал отрицательный ответ в силу отсутствия в гражданском праве каких-либо ограничений прав женщины в подобных ситуациях. Данная позиция, по мнению суда, в полной мере применима и к уголовному праву¹⁴.

Хотя понятие «обязанность проявлять осторожность» в уголовном праве – не то же самое, что «обязанность действовать»¹⁵, вышеизложенное указывает на то, что женщины не обязаны действовать, чтобы защитить свой плод от вреда или смерти, и поэтому не могут нести ответственность за убийство, если смерть была вызвана упущением до живорождения. Следовательно, женщина не может нести ответственность за убийство в результате ее бездействия до или во время родов, что привело к смерти ребенка, даже если смерть наступила после живорождения.

Вопрос о привлечении женщин к уголовной ответственности за смерть их новорожденных детей, произошедшую в результате их неспособности должным образом обеспечивать выживание и здоровье плода или новорожденного ребенка, выдвигает на первый план моральные и правовые вопросы, указывающие на противоречия между материнской свободой воли и материнской ответственностью [20]. В действующем законе, однако, свобода воли имеет приоритет, даже если влечет за собой риск для здоровья или жизни плода или ребенка, рожденного живым.

Вопрос об ответственности за убийство в результате безнадзорности, приведшей к смерти младенца после рождения, усложняется требованиями о наличии умышленной вины. Для привлечения к ответственности за убийство необходимо доказать умысел совершить убийство или намерение причинить тяжкий вред здоровью, повлекший смерть ребенка. Бездействие, имеющее своим последствием безнадзорность ребенка, не отвечает этому требованию. Осудить за убийство из-за бездействия, неспособности позаботиться о ребенке (при условии, что это произошло после живорождения), если это было сделано умышленно с целью вызвать смерть или причинить серьезный вред ребенку, возможно. Однако при отсутствии фактора насилия достаточно трудно доказать такое намерение, особенно учитывая вероятное физическое и психическое состояние женщины после родов.

Более подходящим по своему составу в подобных ситуациях является такое преступление, как пренебрежение к ребенку после рождения, когда нет доказательств намерения убить или причинить серьезный

¹² *Simester A.P., Spencer J.R., Stark F., Sullivan G.R., Virgo G.J. Simester and Sullivan's Criminal Law: Theory and Doctrine. 7th ed. London: Hart Publishing, 2019. 1056 p.*

¹³ *См. 12.*

¹⁴ *Porter T., Gavin H. Infanticide and Neonaticide: A Review of 40 Years of Research Literature on Incidence and Causes // Trauma, Violence, & Abuse. 2010. № 11. P. 99–112.*

¹⁵ *Ormerod D., Laird K. Smith and Hogan's Criminal Law. 16th ed. Oxford: Oxford University Press, 2021. 1143 p.*

вред здоровью, то есть непредумышленное убийство по грубой небрежности.

В свою очередь, фактически проверка на наличие «грубой небрежности» сводится к рассмотрению судом присяжных вопроса о том, «заслуживает» ли обвиняемая быть осужденной. Это позволяет выносить моральные, а не юридические суждения о серьезности ее поведения в соответствующих обстоятельствах. В результате в законе отсутствует определенность: то, что одни присяжные могут посчитать преступным, другие так-овым могут и не признать¹⁶. В случае, связанном с типичным фактом убийства новорожденного, присяжные вполне могут прийти к выводу, что мать не заслуживает осуждения за непредумышленное убийство.

Влияние психического состояния женщины на решение вопроса о привлечении к уголовной ответственности за убийство ребенка

В литературе по неонатиду подчеркивается, что женщины, чьи новорожденные дети умирают в результате родов, могут переживать патологические последствия, связанные с их психическим состоянием. Они могут потерять сознание в результате физической травмы при самостоятельных родах. В других случаях они могут утверждать, что не знали, что делали в то время, или что они испытывали такое чувство, как будто все происходящее происходит не с ними. Это является механизмом диссоциации, психологической защиты. Исследования показали, что женщины, убивающие новорожденных, могут испытывать активный страх. Наблюдаются также когнитивные искажения в восприятии действительности, отсюда – отрицание беременности. Это заставляет женщин откладывать любое решение по беременности до тех пор, пока не станет слишком поздно. Следовательно, рождение ребенка становится шоком для женщины, которая в этой ситуации убивает из страха и паники [21].

Тот факт, что обвиняемая была без сознания, в диссоциативном состоянии или имела какое-либо психическое расстройство, может по-разному повлиять на степень ее уголовной ответственности. Линия защиты может трактовать эти обстоятельства как невменяемость или ограниченную вменяемость женщины после родов (Закон об убийствах 1957 года).

Детоубийство как преступление выступает альтернативой умышленному убийству или непредумышленному убийству в случаях, когда женщина «умышленным действием или бездействием» убивает своего ребенка в возрасте до 12 месяцев, в то время как «уровень ее разума была нарушена по причине того, что она не полностью оправилась от рождения ребенка или по причине лактации после рождения ребенка» (Закон об убийстве детей 1938 года, ст. 1 и 2). Хотя закон распространяется и на жертв в возрасте до 12 месяцев, первоначально он был главным образом направлен на смягчение ответственности женщин, убивших своих детей при рождении, из-за нежелания признавать их виновными в умышленном убийстве и приговаривать к смертной казни [12].

Таким образом, «детоубийство» может быть подходящим вариантом обвинения и осуждения в случаях «неонатубийства» и в некоторой степени специально предназначено для этих случаев. Хотя обвинения в умышленном или непредумышленном убийстве также должны подкрепляться доказательствами, представляется, что медицинское обоснование детоубийства нетрудно соблюсти, поэтому те, кто убивает своих детей при рождении, будут, скорее всего, осуждены за детоубийство, даже если доказательства наличия у убийцы конкретного психического расстройства недостаточно. Обвинение в детоубийстве обычно приводит к исключительно мягким приговорам (в контексте убийства). Детоубийца редко сажают в тюрьму [13].

Однако судебное преследование может иметь более широкие социальные последствия, такие как запрет на воспитание любых последующих детей, даже если убийство новорожденного произошло, когда женщина была подростком, а следующая беременность наступила много лет спустя при совершенно других обстоятельствах.

Особенности правоприменительной практики по делам об убийстве новорожденных

Как показывает английская судебная практика, в случае подозрения на убийство новорожденного могут возникнуть трудности с соблюдением требования достаточности доказательств. Эти обстоятельства могут помешать уголовному преследованию женщины, чей ребенок умер в результате тайных родов, из-за недостаточности доказательств для обоснования уголовного обвинения.

Кроме того, даже при наличии достаточных доказательств для предъявления обвинения в совершении преступления уголовный суд не обязан возбуждать судебное преследование, поскольку должна быть соблюдена вторая часть критерия судебного преследования, а именно: судебное преследование должно отвечать «общественным интересам». Это дает право не возбуждать судебное преследование в каждом случае.

Эмпирические исследования английской правоприменительной практики убедительно демонстрируют тенденцию к снисходительному отношению к подозреваемым в убийстве новорожденных. Так, например, такие дела по общему правилу относятся к тем, где усмотрение обвинителя осуществляется в пользу обвиняемой женщины [13]. R.D. Mackay установил, что судебное преследование не проводилось в 11 из 21 изученных дел подобного рода именно потому, что было признано, что судебное преследование не отвечает общественным интересам¹⁷.

Исследование вынесенных приговоров по делам об убийствах 15 новорожденных указало на тенденцию предъявления обвинения в убийстве, при этом приговор признавал виновность именно в детоубийстве. Все обвиняемые в убийстве новорожденных в данной выборке признали себя виновными в детоубийстве, но в 9 из этих случаев первоначальное обвинение было в убийстве, а детоубийство к обвинительному акту было

¹⁶ *Simester A.P., Spencer J.R., Stark F., Sullivan G.R., Virgo G.J. Simester and Sullivan's Criminal Law: Theory and Doctrine. 7th ed. London: Hart Publishing, 2019. 1056 p.*

¹⁷ *Mackay R.D. Murder, Manslaughter and Infanticide: Project 6 of the Ninth Programme of Law Reform: Homicide. London: TSO, 2006. 280 p.*

добавлено позже. Ни одна из 15 женщин не была приговорена к лишению свободы. Такой подход может свидетельствовать о снисходительном отношении к женщинам, подозреваемым в убийстве своих младенцев при рождении. Однако выборка была сосредоточена только на тех, кто был осужден за детоубийство, и поэтому не дает сведений, что стало итогом рассмотрения дел в отношении других подозреваемых в убийстве своих новорожденных детей, когда обвинение не было смягчено¹⁸.

Кроме того, дискреционное право службы публичных преследований при принятии решения о возбуждении уголовного дела и о том, какое обвинение предъявлять, означает, что в этих случаях нельзя делать обобщения. Судя по всему, в отношении некоторых женщин снисходительность является определяющим фактором в принятии решений, но этот вывод неприменим ко всем делам.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Анализ динамики дел об убийстве новорожденных позволяет сделать следующие выводы.

Первый вывод относится к терминологии, применяемой в делах об убийствах новорожденных, и, в частности, к использованию термина «неонатид» как в академической литературе, так и в более широком употреблении. Данный термин используется в литературе для описания смерти ребенка или плода при различных обстоятельствах. Ребенок мог родиться живым, а затем быть насильственно умерщвлен матерью; плод мог умереть до или во время родов и т. д. С научной точки зрения понятие «неонатид» включает и такие смерти, которые не связаны с умышленным лишением жизни, например, при отсутствии достаточных доказательств живорождения [22]. Таким образом, необходимо рассмотреть уместность термина «неонатид» в качестве общего понятия, охватывающего все случаи, когда смерть плода или ребенка происходит при рождении. Данный термин может быть полезен в качестве общего термина для описания типологии убийства, однако в юридическом контексте понятие «неонатид» не охватывает все правовые аспекты, связанные с этими смертями.

Второй вывод касается сложностей, связанных с судебным преследованием по делам о подозрении в убийстве новорожденного. Обвинители могут столкнуться с трудностями при выполнении первого требования, необходимого для начала судебного преследования, – требования достаточности доказательств.

Другая проблема связана с разнообразием вариантов доступных обвинителям трактовок в отношении этих правонарушений. Как уже говорилось, обвинители могут по своему усмотрению возбуждать или не возбуждать уголовное дело по соображениям наличия или отсутствия общественной значимости дела. Они имеют возможность принять заявление о признании вины за другое преступление (например, о признании вины в детоубийстве при обвинении в обычном убийстве).

Различия в подходах на практике приводили к тому, что по делам со схожими фактическими обстоятельствами судами выносились полярные решения. Одно из исследований показало, что в США, например, подозрение на убийство новорожденного может привести к совершенно разным уголовным последствиям, начиная от обвинений в убийстве первой степени (и приговора к тюремному заключению на срок более 30 лет) и заканчивая обвинениями в совершении проступков с очень мягким наказанием [23].

В то же время американский и английский подходы нельзя сравнивать напрямую. Так, последний имеет особый закон об убийстве младенцев и тенденцию к более мягким наказаниям.

Третий вывод связан с вопросом о привлечении женщин, подозреваемых в убийстве новорожденных, именно к уголовной ответственности. Принимая во внимание характер этих дел, особую уязвимость правонарушителя, важно ответить на вопрос о том, является ли привлечение к уголовной ответственности в таких случаях самым правильным решением. Как уже было показано выше, женщины, о которых идет речь, часто молоды и одиноки. Исследования показали, что неадекватная реакция женщин на беременность, то есть сокрытие или отрицание беременности, самостоятельные роды без обращения в медицинское учреждение и, как следствие, смерть младенца могут быть объяснены страхом перед реакцией окружающих на беременность [24]. Из обзора документов правоохранительных органов США исследователи сделали вывод, что женщинами часто движет страх, связанный со стыдом и виной за то, что они беременны, беспокойство по поводу реакции родителей, партнеров и других лиц в случае обнаружения беременности [15].

Принимая во внимание контекст и характер случаев убийства новорожденных, необходимо рассмотреть целесообразность криминализации деяний этих женщин. Вряд ли можно утверждать, что осуждение женщин за убийство или любое другое преступление в этой области будет действовать как средство предотвращения подобных случаев со стороны других женщин. Предполагать, что закон будет действовать как фактор, сдерживающий совершение этого преступления, означает признание того, что женщины могут забеременеть с преднамеренной целью убить плод или новорожденного, что не имеет смысла. Помимо этого, закон игнорирует контекст этого преступления. Имеется в виду ситуация, когда роды являются шоком и когда женщина может действовать из страха и отчаяния. Другими словами, ее психическое и эмоциональное состояние таково, что ее невозможно сдержать [25].

Несомненно, для закона символически важно показать, что убийство младенца – такое же серьезное преступление, как и другие убийства. Предположение об обратном не только подняло бы моральные вопросы о неприкосновенности человеческой жизни, но и вызвало бы обеспокоенность в связи с правом любого человека на жизнь, закрепленного ст. 2 Европейской конвенции о правах человека. С моральной точки зрения представляется недопустимым, что те, кто убивает самых беззащитных, могут избежать уголовного наказания.

Тем не менее уязвимость и неадекватное психическое состояние самих женщин, убивающих своих детей

¹⁸ Mackay R.D. *Murder, Manslaughter and Infanticide: Project 6 of the Ninth Programme of Law Reform: Homicide*. London: TSO, 2006. 280 p.

при рождении, требует осторожности в решении вопроса, следует ли привлекать их к уголовной ответственности. В этом отношении возможность обвинения по своему усмотрению отказаться от судебного преследования в соответствии с критерием общественной значимости в каждом конкретном случае может решить судьбу человека. Такой подход, разумеется, нельзя назвать безукоризненным, он имеет как сторонников, так и противников.

Минимальная ответственность, предполагающая осуждение преступного деяния и наказание, не связанное с лишением свободы, может обеспечить надлежащий баланс между защитой уязвимых женщин от дальнейших психологических и физических травм, связанных с применением к ним суровых уголовных санкций, и защитой с помощью уголовного права жизни младенца.

И последний, четвертый, вывод проистекает из вопроса: если закон не способен защитить новорожденных детей и помочь уязвимым беременным женщинам обратиться за медицинской, психологической и иной помощью до начала родов, то каковы альтернативы? Ряд ученых завершили свои исследования скрытой или отрицаемой беременности и ее связи с неонатическим предложением усиленного наблюдения за всеми женщинами детородного возраста, включая проведение регулярных тестов на беременность, и сделали вывод о том, что это будет эффективной профилактической мерой¹⁹.

Представляется, что, хотя такие меры и могут выявить часть женщин, находящихся в группе риска по рассматриваемой проблеме, т. е. не понимающих до самых поздних стадий и отрицающих, что они беременны, такое предложение не может остановить все случаи убийства новорожденных. Более подходящей и, очевидно, более успешной программой профилактики этого преступления стала бы программа предоставления поддержки уязвимым женщинам. Это может быть общественная поддержка, психологическая, медицинская, материальная (вплоть до предоставления убежища и средств к существованию) помощь женщинам, подвергающимся насилию в семье и тем, кто живет в бедности и самостоятельно не в силах справиться с проблемами, связанными с рождением ребенка. Разумной мерой профилактики стало бы всестороннее, регулируемое государством и обязательное просвещение в области полового здоровья для молодых женщин.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

По материалам англосаксонской системы права выделены уголовно-правовые и криминологические аспекты убийства матерью собственного новорожденного ребенка (преступления неонатического).

В англосаксонской научной литературе, как и в отечественном праве, отмечена тенденция к ужесточению наказания за данное преступление. При этом, с точки зрения отечественной науки уголовного права, состав преступления необходимо уточнить, учитывая спон-

танность возникновения умысла на детоубийство. К признакам субъективной стороны преступления следует отнести овладевшее роженицей чувство отчаяния.

Отечественной практике криминологического предупреждения преступлений данного вида из достижений англосаксонской правовой мысли следует обратить внимание на укоренившееся в определенных социумах негативное отношение к женщинам определенного типа личности, к матерям-одиночкам, к лицам с низким материальным уровнем. Основываясь на опыте государств англосаксонской правовой традиции, в качестве профилактики неонатического можно предложить особое внимание со стороны государства к женщинам проблемного типа личности. Для профилактики детоубийства искоренению подлежит насилие в семье и, вместе с тем, материальная помощь женщинам с новорожденными детьми. Отечественным государственным органам рекомендовано наращивать усилия по половому воспитанию молодых женщин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абдулвалиев А.Ф., Каземов В.В. Социальные факторы как признаки состава преступления, предусмотренного статьёй 106 Уголовного кодекса Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 2. С. 77–80. DOI: [10.23672/z6751-6207-0185-z](https://doi.org/10.23672/z6751-6207-0185-z).
2. Кунц Е.В. Субъективные признаки убийства матерью новорожденного ребенка // Проблемы права. 2022. № 4. С. 119–122. DOI: [10.14529/pro-prava220421](https://doi.org/10.14529/pro-prava220421).
3. Штефан А.В. Особенности мер предупреждения убийств матерью новорожденного ребенка // Проблемы права. 2022. № 4. С. 132–138. DOI: [10.14529/pro-prava220424](https://doi.org/10.14529/pro-prava220424).
4. Хатуев В.Б. Эволюция уголовного законодательства России об ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 1. С. 83–96. DOI: [10.17803/1729-5920.2019.146.1.083-096](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.146.1.083-096).
5. Ивнева Е.В., Соловьева Е.В. Проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка в российском уголовном праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 129–135. DOI: [10.22394/2074-7306-2021-1-1-129-135](https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-1-129-135).
6. Кравцова А.Н., Лунина Е.С. Специфика расследования убийства матерью новорожденного ребенка // Проблемы права. 2022. № 2. С. 99–102. DOI: [10.14529/pro-prava220216](https://doi.org/10.14529/pro-prava220216).
7. Дмитриева Л.А. Психолого-криминологический аспект уголовно-правовой квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 4. С. 204–207. EDN: [LDYRIX](https://www.edn.ru/ldyrix/).
8. Сафуанов Ф.С., Сарычева Ю.А. Психотравмирующая ситуация как признак состава преступления по ст. 106 УК РФ (Убийство матерью новорожденного ребенка) // Психология и право. 2021. Т. 11. № 2. С. 193–207. DOI: [10.17759/psylaw.2021110214](https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110214).
9. Красковский Я.Э., Красунов И.В. Особенности признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ // Вестник Саратовской государствен-

¹⁹ Jenkins A., Millar S., Robins J. Denial of Pregnancy: A Literature Review and Discussion of Ethical and Legal Issues // *Journal of the Royal Society of Medicine*. 2011. № 104. P. 286–291.

- венной юридической академии. 2022. № 1. С. 190–197. DOI: [10.24412/2227-7315-2022-1-190-197](https://doi.org/10.24412/2227-7315-2022-1-190-197).
10. Голенков А.В., Филоненко В.А., Сергеева А.И., Филоненко А.В. Мотивы филицида послеродовой депрессии // Психическое здоровье. 2021. № 3. С. 34–41. EDN: [XFAMJT](https://www.edn.ru/XFAMJT).
  11. Кунц Е.В. Криминологические особенности убийства матерью новорожденного ребенка // Проблемы права. 2020. № 4. С. 53–55. DOI: [10.14529/pro-prava200408](https://doi.org/10.14529/pro-prava200408).
  12. Brennan K. Social norms and the law in responding to infanticide // Legal Studies. 2018. Vol. 38. № 3. P. 480–499. DOI: [10.1017/lst.2017.20](https://doi.org/10.1017/lst.2017.20).
  13. Milne E. Criminal Justice Responses to Maternal Filicide: Judging the failed mother. UK: Emerald Publishing Limited, 2021. 185 p.
  14. Milia G., Noonan M. Experiences and perspectives of women who have committed neonaticide, infanticide or filicide: A systematic review and qualitative evidence synthesis // Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing. 2022. Vol. 29. № 6. P. 813–828. DOI: [10.1111/jpm.12828](https://doi.org/10.1111/jpm.12828).
  15. Beyer K., McAuliffe Mack S., Shelton J.L. Investigative Analysis of Neonaticide: An Exploratory Study // Criminal Justice and Behavior. 2008. Vol. 35. № 4. P. 522–535. DOI: [10.1177/0093854807313410](https://doi.org/10.1177/0093854807313410).
  16. Amon S., Putkonen H., Weizmann-Henelius G., Almiron M.P., Formann A.K., Voracek M., Erone M., Yourstone J., Friedrich M., Klier C. Potential Predictors in Neonaticide: The Impact of the Circumstances of Pregnancy // Archives of Women's Mental Health. 2012. Vol. 15. № 3. P. 167–174. DOI: [10.1007/s00737-012-0268-0](https://doi.org/10.1007/s00737-012-0268-0).
  17. Barnes D.L. Towards a new understanding of pregnancy denial: the misunderstood dissociative disorder // Archives of Women's Mental Health. 2022. Vol. 25. № 1. P. 51–59. DOI: [10.1007/s00737-021-01176-7](https://doi.org/10.1007/s00737-021-01176-7).
  18. Wessel J., Endrikat J., Buscher U. Frequency of Denial of Pregnancy: Results and Epidemiological Significance of a 1-Year Prospective Study in Berlin // Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica. 2002. Vol. 81. № 11. P. 1021–1027. DOI: [10.1034/j.1600-0412.2002.811105.x](https://doi.org/10.1034/j.1600-0412.2002.811105.x).
  19. Meyer C.L., Oberman M. Mothers Who Kill Their Children: Understanding the Acts of Moms from Susan Smith to the “Prom Mom”. New York: New York University Press, 2001. 224 p.
  20. Malmquist C.P. Infanticide // The Handbook of Homicide. UK: Wiley-Blackwell, 2017. P. 180–196.
  21. Dodson K.D. Mental Illness, Infanticide and Neonaticide // Encyclopedia of Women and Crime. UK: Wiley-Blackwell, 2019. P. 519–550.
  22. Ryan T. The Murderer Next Door: Book Review // Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology. 2020. Vol. 4. № 3. P. 203–205.
  23. Lee K., Douglas E.M. An Exploratory Study of the Prosecution of Fatal Child Maltreatment: Criminal Charges Filed Against Presumed Perpetrators in the United States in 2017 // Violence and Victims. 2021. Vol. 36. № 5. P. 638–650. DOI: [10.1891/vv-d-19-00191](https://doi.org/10.1891/vv-d-19-00191).
  24. Cossins A. Female Criminality: Infanticide, Moral Panics and the Female Body. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015. 292 p.
  25. Laufer B. Medea as the Modern Mother: Infanticide, Motherhood, and Transmutation // Psychological Perspectives. 2021. Vol. 64. № 2. P. 222–239. DOI: [10.1080/00332925.2021.1959219](https://doi.org/10.1080/00332925.2021.1959219).

REFERENCES

1. Abdulvaliev A.F., Kazemov V.V. The social factors as elements of crime, provided in the article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2021, no. 2, pp. 77–80. DOI: [10.23672/z6751-6207-0185-z](https://doi.org/10.23672/z6751-6207-0185-z).
2. Kunts E.V. Subjective signs of murder of a newborn child by a mother. *Problemy prava*, 2022, no. 4, pp. 119–122. DOI: [10.14529/pro-prava220421](https://doi.org/10.14529/pro-prava220421).
3. Shtefan A.V. Features of measures for the prevention of murders by the mother of a newborn child. *Problemy prava*, 2022, no. 4, pp. 132–138. DOI: [10.14529/pro-prava220424](https://doi.org/10.14529/pro-prava220424).
4. Khatuev V.B. Evolution of the Russian criminal legislation on responsibility for murder by mother of her newborn child. *Lex Russica (Russkiy zakon)*, 2019, no. 1, pp. 83–96. DOI: [10.17803/1729-5920.2019.146.1.083-096](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.146.1.083-096).
5. Ivneva E.V., Soloveva E.V. Problems of mother's murder qualification of a newborn child in Russian criminal law. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*, 2021, no. 1, pp. 129–135. DOI: [10.22394/2074-7306-2021-1-129-135](https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-129-135).
6. Kravtsova A.N., Lunina E.S. Specificity of investigation of the murder of a newborn child. *Problemy prava*, 2022, no. 2, pp. 99–102. DOI: [10.14529/pro-prava220216](https://doi.org/10.14529/pro-prava220216).
7. Dmitrieva L.A. Psychological and criminological aspect of the criminal law qualification of the murder of a newborn child by the mother. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*, 2018, no. 4, pp. 204–207. EDN: [LDYRIX](https://www.edn.ru/LDYRIX).
8. Safuanov F.S., Sarycheva Yu.A. Psychologically traumatic situation as a formal element of an offence under article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation (murder by a mother of her newborn child). *Psikhologiya i pravo*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 193–207. DOI: [10.17759/psylaw.2021110214](https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110214).
9. Kraskovskiy Ya.E., Krasunov I.V. Peculiarities of signs of the subject of the crime provided for by art. 106 of the Criminal Code of the RF. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, 2022, no. 1, pp. 190–197. DOI: [10.24412/2227-7315-2022-1-190-197](https://doi.org/10.24412/2227-7315-2022-1-190-197).
10. Golenkov A.V., Filonenko V.A., Sergeeva A.I., Filonenko A.V. Filicide motives of postpartum depression. *Psikhicheskoe zdorove*, 2021, no. 3, pp. 34–41. EDN: [XFAMJT](https://www.edn.ru/XFAMJT).
11. Kunts E.V. Criminological peculiarities of mother's killing of a newborn child. *Problemy prava*, 2020, no. 4, pp. 53–55. DOI: [10.14529/pro-prava200408](https://doi.org/10.14529/pro-prava200408).
12. Brennan K. Social norms and the law in responding to infanticide. *Legal Studies*, 2018, vol. 38, no. 3, pp. 480–499. DOI: [10.1017/lst.2017.20](https://doi.org/10.1017/lst.2017.20).
13. Milne E. *Criminal Justice Responses to Maternal Filicide: Judging the failed mother*. UK, Emerald Publishing Limited Publ., 2021. 185 p.

14. Milia G., Noonan M. Experiences and perspectives of women who have committed neonaticide, infanticide or filicide: A systematic review and qualitative evidence synthesis. *Journal of Psychiatric and Mental Health Nursing*, 2022, vol. 29, no. 6, pp. 813–828. DOI: [10.1111/jpm.12828](https://doi.org/10.1111/jpm.12828).
15. Beyer K., McAuliffe Mack S., Shelton J.L. Investigative Analysis of Neonaticide: An Exploratory Study. *Criminal Justice and Behavior*, 2008, vol. 35, no. 4, pp. 522–535. DOI: [10.1177/0093854807313410](https://doi.org/10.1177/0093854807313410).
16. Amon S., Putkonen H., Weizmann-Henelius G., Almiron M.P., Formann A.K., Voracek M., Erone M., Yourstone J., Friedrich M., Klier C. Potential Predictors in Neonaticide: The Impact of the Circumstances of Pregnancy. *Archives of Women's Mental Health*, 2012, vol. 15, no. 3, pp. 167–174. DOI: [10.1007/s00737-012-0268-0](https://doi.org/10.1007/s00737-012-0268-0).
17. Barnes D.L. Towards a new understanding of pregnancy denial: the misunderstood dissociative disorder. *Archives of Women's Mental Health*, 2022, vol. 25, no. 1, pp. 51–59. DOI: [10.1007/s00737-021-01176-7](https://doi.org/10.1007/s00737-021-01176-7).
18. Wessel J., Endrikat J., Buscher U. Frequency of Denial of Pregnancy: Results and Epidemiological Significance of a 1-Year Prospective Study in Berlin. *Acta Obstetrica et Gynecologica Scandinavica*, 2002, vol. 81, no. 11, pp. 1021–1027. DOI: [10.1034/j.1600-0412.2002.811105.x](https://doi.org/10.1034/j.1600-0412.2002.811105.x).
19. Meyer C.L., Oberman M. *Mothers Who Kill Their Children: Understanding the Acts of Moms from Susan Smith to the "Prom Mom"*. New York, New York University Press Publ., 2001. 224 p.
20. Malmquist C.P. Infanticide. *The Handbook of Homicide*. UK, Wiley-Blackwell Publ., 2017, pp. 180–196.
21. Dodson K.D. Mental Illness, Infanticide and Neonaticide. *Encyclopedia of Women and Crime*. UK, Wiley-Blackwell Publ., 2019, pp. 519–550.
22. Ryan T. The Murderer Next Door: Book Review. *Journal of Social, Evolutionary, and Cultural Psychology*, 2020, vol. 4, no. 3, pp. 203–205.
23. Lee K., Douglas E.M. An Exploratory Study of the Prosecution of Fatal Child Maltreatment: Criminal Charges Filed Against Presumed Perpetrators in the United States in 2017. *Violence and Victims*, 2021, vol. 36, no. 5, pp. 638–650. DOI: [10.1891/VV-D-19-00191](https://doi.org/10.1891/VV-D-19-00191).
24. Cossins A. *Female Criminality: Infanticide, Moral Panics and the Female Body*. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 2015. 292 p.
25. Laufer B. Medea as the Modern Mother: Infanticide, Motherhood, and Transmutation. *Psychological Perspectives*, 2021, vol. 64, no. 2, pp. 222–239. DOI: [10.1080/00332925.2021.1959219](https://doi.org/10.1080/00332925.2021.1959219).

Criminal-legal and criminological aspects of infanticide in the countries of the anglo-saxon system of law

© 2022

Marina Yu. Zhirova¹, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”

Sergei V. Kondratyuk^{*2}, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

*E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2375-8119>

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7272-5359>

Abstract: The paper considers the criminal-legal and criminological aspects of killing by a mother of her newborn child (neonaticide crimes). The urgency of the research is caused by the application of the experience of foreign schools in the domestic legal science. The scientific thought of the Anglo-Saxon legal school has achieved considerable results in the sphere of preventing such social phenomenon as neonaticide; however, in the domestic scientific literature, these achievements did not find proper representation. The paper covers the study of neonaticide in the Anglo-Saxon scientific literature. The authors summarize the results of the studies covering the issues of classification and prevention of neonaticide in Anglo-Saxon law. Based on the provisions of Anglo-Saxon law, the authors review the terminology of this phenomenon. The paper analyzes the issues of state prosecution in the cases of neonaticide. The authors note the multiplicity of interpretations of the elements of this crime; identify the contradictions in American and English judicial practice. The study shows that the Anglo-Saxon legal system pays attention to the psychological state of a parturient woman and other elements of the subjective aspect of a crime. Minimizing the severity of criminal punishment for the neonaticide crimes taking into account the psychological state of a parturient woman contributes to strengthening the criminal protection of the life of newborns. The definition of the situation of the commission of a crime, the sequence of actions of a guilty person when preparing and executing the infanticide is valuable for the domestic science. In the structure of the way of committing a crime, the authors specify the actions of causing fatal injuries to a newborn, show the differences of this crime from the abandonment of a child in a helpless condition. Other actions specific to a neonaticide crime are specified. The authors conclude that for the domestic criminology, measures used in the countries of the Anglo-Saxon law system are applicable. Preventive measures include wide social assistance to women of reproductive age. To the opinion of scientists dealing with Anglo-Saxon law, compulsory education of young women on the issues of sexual health is an effective prophylaxis direction. Such prophylaxis direction is also applicable in the domestic practice.

Keywords: Anglo-Saxon system of law; neonaticide; infanticide (the killing by a mother of her newborn); criminological prevention; decriminalization trends.

For citation: Zhirova M.Yu., Kondratyuk S.V. Criminal-legal and criminological aspects of infanticide in the countries of the anglo-saxon system of law. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2022, no. 4, pp. 18–27. DOI: [10.18323/2220-7457-2022-4-18-27](https://doi.org/10.18323/2220-7457-2022-4-18-27).

Заботливость и осмотрительность как критерии определения виновности или невиновности в нарушении договорного обязательства

© 2022

Маштаков Игорь Владимирович, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: zavet4@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3797-9158>

Аннотация: Установление оснований наступления гражданско-правовой ответственности всегда вызывало немалый интерес не только цивилистов, но и специалистов-практиков. Именно в гражданско-правовой науке вызывает интерес положение законодательства о том, что отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство (п. 2 ст. 401 ГК РФ). Таким образом, установленная в гражданском законодательстве презумпция виновности в силу уже сложившейся цивилистической традиции не может не обращать на себя внимания и по-прежнему сохраняет актуальность для исследования. Статья посвящена исследованию критериев предлагаемого законодателем состояния невиновности в нарушении обязательства. Это состояние определяется через использование в законе терминов «заботливость» и «осмотрительность». Поскольку четких определений заботливого и осмотрительного поведения в ГК РФ нет, из п. 1 ст. 401 ГК РФ можно сделать вывод, что степень заботливости и осмотрительности зависит от характера обязательства и условий оборота, при которых лицо должно предпринять все доступные в его ситуации меры для надлежащего исполнения обязательства. Критерии состояния невиновности в нарушении обязательства и стали предметом исследования. В настоящей публикации предпринята попытка разобрать и рассмотреть по частям формулировку ст. 401 ГК РФ, касающуюся критериев определения невиновности лица, нарушившего гражданско-правовое обязательство. Категории и термины, подвергнутые анализу, являются весьма распространенными в правоприменительной практике, поэтому в своем исследовании автор опирался не только на положения ГК РФ, но и на судебные постановления по заданной проблематике. В результате исследования обозначенных критериев невиновности был сделан вывод, что их в некоторой степени абстрактный и субъективно оценочный характер не позволяет на сегодняшний день добиться единообразия в понимании и применении данного положения гражданского законодательства.

Ключевые слова: заботливость; осмотрительность; характер обязательства; условия оборота; надлежащее исполнение; абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ.

Для цитирования: Маштаков И.В. Заботливость и осмотрительность как критерии определения виновности или невиновности в нарушении договорного обязательства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 4. С. 28–35. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-4-28-35.

ВВЕДЕНИЕ

Такие оценочные категории, как заботливость и осмотрительность, встречаются в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) буквально в нескольких статьях. Может показаться, что их скромное расположение в кодексе всего лишь конкретизирует применительно к отдельным гражданским правоотношениям порядок реализации такого глобального и важного принципа гражданского права, как принцип добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ). Данный принцип широко известен и подвергся обстоятельному исследованию в юридической литературе [1]. Характеризуя принцип добросовестности, ученые вынуждены прибегать к использованию таких правовых категорий, как заботливость и осмотрительность [2]. Они дают характеристику данного принципа с позиции ответственности и дисциплинированности.

Привлекает внимание то, что эти термины используются при характеристике оснований ответственности за нарушение обязательств (ст. 401 ГК РФ). Исследования в данной области показывают несколько настороженное отношение авторов к формулировке абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ. Зачастую она просто воспроизводится

без детального анализа содержания [3] или служит объяснением невиновности при характеристике конкретного вида гражданско-правовой ответственности [4].

Анализ данного положения ГК РФ показал, в юридической литературе уже давно обращается внимание на то, что вина при нарушении обязательства определяется через категорию невиновности, а критерии невиновности описываются через категории заботливости и осмотрительности [5]. Высказывается даже мнение, что «в цивилистике постановка вопроса об установлении вины того или иного субъекта в большинстве случаев является неактуальной. Значение придается лишь невиновности» [6, с. 121].

Автор присоединяется к рассуждениям на данную тему, питая надежду на то, что законодатель или Верховный Суд РФ обратят внимание на необходимость более детальной нормативной характеристики или руководящих разъяснений по поводу формулировки абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ. Предпринята попытка предложить свой взгляд на дефиницию категорий «заботливость» и «осмотрительность» применительно к их использованию в абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ.

Несмотря на то, что ст. 401 ГК РФ распространяет свое действие на любые группы гражданско-правовых

обязательств, характеристика виновности как основания ответственности во внедоговорных обязательствах обладает своей спецификой [7]. Поэтому в настоящем исследовании анализируемые категории рассматриваются с точки зрения нарушения договорных обязательств.

Нужно учитывать, что правило абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ выводит из-под своего влияния договорные обязательства, связанные с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности (п. 3 ст. 401 ГК РФ), поскольку ответственность сторон в таких обязательствах наступает независимо от вины, и процесс исследования степени заботливости (осмотрительности) нарушителя становится бессмысленным. Тем не менее, по мнению автора, это обстоятельство не умаляет значения данных правовых категорий, поскольку задача исследования – попробовать наполнить абстрактную формулировку законодателя своим содержанием, не оглядываясь на количество и сферу применения подчиняемых данному правилу гражданско-правовых обязательств. Стоит отметить, что арбитражные суды, рассматривающие в основном споры между субъектами предпринимательской деятельности, допускают использование в своих постановлениях выражений «заботливость» и «осмотрительность», а ГК РФ, со своей стороны, допускает существование предпринимательских обязательств, в которых ответственность наступает при наличии вины (ст. 538 ГК РФ или ст. 547 ГК РФ).

Цель исследования – анализ положений ст. 401 ГК РФ, касающихся критериев определения виновности или невиновности в нарушении договорного обязательства.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

При написании статьи были использованы общенаучные методы исследования: анализ, синтез, обобщение. В качестве специального метода исследования использовался формально-юридический метод, в частности при определении понятий «виновность», «невиновность», характеристике заботливости и осмотрительности как оценочных категорий, а также при юридическом анализе таких используемых в положениях гражданского законодательства РФ выражений, как «характер обязательства», «условия оборота» и «надлежащее исполнение».

Исследование проводилось в несколько этапов:

1) определение виновности стороны при нарушении гражданско-правового обязательства. Данное определение было предложено на основании законодательной формулировки невиновности в абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ;

2) выявление квалифицирующих юридических характеристик, определяющих степень заботливости и осмотрительности, исходя из характера обязательства и условий гражданского оборота;

3) установление прямой зависимости количества и качества принятых мер для надлежащего исполнения обязательства от той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от участника такого обязательства.

Вышеперечисленные этапы сконцентрированы вокруг основополагающей формулировки ст. 401 ГК РФ

относительно критериев невиновности лица, нарушившего обязательство, сопровождаются примерами из судебной практики и опираются на научные исследования известных ученых-цивилистов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ «лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства». ГК РФ не определяет понятие вины или виновности при наступлении ответственности за нарушение обязательства, но вышеприведенная формулировка свидетельствует об отношении законодателя к ситуации, когда лицо, нарушившее обязательство, может считаться невиновным.

Если исходить от обратного, то формулировку абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ можно представить следующим образом: «Лицо признается виновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно не приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства». Обращает на себя внимание то, что при таком построении предложения «не» можно поставить как до слова «приняло», так и после него, т. е. «лицо признается виновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло не все меры для надлежащего исполнения обязательства».

Первый вариант свидетельствует в большей мере о том, что обязанное лицо в договорном обязательстве не преследовало цели принимать какие-либо меры для его надлежащего исполнения, а второй вариант говорит о том, что обязанное лицо пыталось принять максимально возможное количество мер для надлежащего исполнения обязательства, но не все возможные меры были приняты.

Выбор того или другого варианта определения виновности обязанного лица в нарушении обязательства будет связан с определением формы вины (умысла или неосторожности), о которых говорит абз. 1 п. 1 ст. 401 ГК РФ: «Лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности».

Таким образом, для надлежащего исполнения одних обязательств необходима одна степень заботливости и осмотрительности, а для надлежащего исполнения других обязательств – другая, поскольку характер обязательств разный и условия оборота для них тоже могут быть разными. Следует признать, что законодатель ставит нелегкую задачу перед правоприменителем, учитывая, что и «характер обязательства», и «условия оборота» тоже, по большому счету, являются оценочными категориями.

В рамках проведенного исследования автор попытался дать характеристику самим понятиям «заботливость» и «осмотрительность» в пределах той формулировки, которая предложена в абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ.

Автор не утверждает, что у него получилось раскрыть признаки, и тем более содержание этих понятий, но в какой-то мере их дефиниции были сформулированы. Дефиниция «заботливость» раскрывается через внимательность и старательность, а «осмотрительность» – через осторожность и расчетливость. При попытке раскрыть данные дефиниции использовалась характеристика заботливого и осмотрительного поведения обязанной стороны в обязательстве.

В судебной практике встречаются следующие позиции, когда суд признал поведение лица заботливым и осмотрительным:

– подрядчик несколько раз извещал заказчика, что не может своевременно выполнять работы из-за того, что заказчик не содействует ему в этом, не устраняет причины, которые объективно препятствуют выполнению работ. Суд сделал вывод, что подрядчик предпринимал все зависящие от него разумные меры для надлежащего исполнения своего обязательства, и не стал взыскивать с него неустойку за просрочку выполнения работ (Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.01.2022 № Ф03-6851/2021);

– страховщик неоднократно организовывал осмотр и независимую экспертизу машины, в том числе по месту ее нахождения, о чем надлежащим образом уведомлял собственника. Однако собственник так и не показал свой автомобиль. Суд не взыскал со страховщика штраф и компенсацию морального вреда (Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2021 № 88-2067/2021).

Напротив, поведение должника не считается заботливым и осмотрительным, если он не принял все возможные меры для надлежащего исполнения обязательства. Встречается судебная позиция, когда суд взыскал неустойку за просрочку оплаты, несмотря на то, что кредитор обязался открыть отдельный счет для перечисления денег должником, но вовремя этого не сделал. Суд посчитал, что должник имел возможность исполнить обязательство путем внесения денег в депозит нотариуса (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.10.2020 № Ф07-4486/2020).

Обращает на себя внимание не только оценочный характер понятий «заботливость» и «осмотрительность» в исследуемой сфере вопроса, но и то обстоятельство, что степень заботливости и осмотрительности зависит от требований, предъявляемых к обязанному лицу в обязательстве. Требования обусловлены характером самого обязательства и условиями гражданского оборота, при котором обязательство имеет место. Было замечено, что применительно к заботливости и осмотрительности ст. 401 ГК РФ использует свою единицу измерения – степень, т. е. по замыслу законодателя у таких оценочных понятий, как заботливость и осмотрительность, есть своя степень применительно к конкретному обязательству.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Чтобы проще было дать характеристику понятиям «заботливость» и «осмотрительность», нужно, по мнению автора, связать эти категории с поведением лица, претендующего на признание его невиновным на основании абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ, т. е. рассуждать не

о самой заботливости и осмотрительности, а о заботливом и осмотрительном поведении.

Какое поведение лица в обязательстве следует считать заботливым? Вероятно, такое, которое способствует нормальному течению процесса исполнения его субъективной обязанности по договору. Ведь в данном случае контрагент по договору интересуется, чтобы другая сторона осуществила именно то, что от нее требуется по условиям обязательства. Кредитор ожидает от должника не дополнительной для себя выгоды, а обычного, принятого в гражданском обороте отношения к выполнению действия, которое продиктовано предметом договора. Продавец ждет оплаты ранее переданного покупателю товара, арендодатель надеется на возврат арендованного имущества от арендатора, заказчик ожидает результата выполненных работ и т. д. И, если эти действия были выполнены по условиям договора, считается, что контрагент о них позаботился.

Таким образом, поведение стороны по договору может считаться заботливым, если она проявила элементарные внимательность и старательность при выполнении своих обязательств. Заемщик по кредитному договору был внимателен к соблюдению графика ежемесячных платежей в пользу займодавца. Продавец елочных игрушек старался успеть с передачей своего товара покупателю к Новому году. Бытовой подрядчик проявил внимательность и старательность в очень короткие сроки пошить костюм жениха к его свадьбе.

Какое поведение лица в обязательстве следует считать осмотрительным? Такое, которое помогает ему предусмотреть наступление негативных (вредоносных) последствий при совершении действий, направленных на исполнение обязательства. Т. е. лицо, исполняющее обязательство по договору, должно проявлять не только внимательность и старательность (заботливость), но и осторожность – умение предвидеть то, что помешает нормальному ходу исполнения обязательства, а также расчетливость – умение предугадать неблагоприятные последствия и избежать их. Если при исполнении обязательства на пути обязанного лица возникли препятствия, в этой ситуации оно проявляет заботливость, направленную на устранение такого препятствия. Чтобы избежать подобной ситуации впредь, приходится быть осмотрительным, т. е. проявлять осторожность, умение предвидеть и рассчитывать возможные негативные последствия своих действий, не допускать их. Так, судом было верно отмечено, что «действуя добросовестно и разумно в своих экономических интересах, займодавец должен проявить максимальную осмотрительность при оценке наличия у лица, которому денежные средства предоставляются, возможности возвратить суммы займа» (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.06.2020 № Ф09-7645/19 по делу № А50-26428/2018).

Таким образом, поведение стороны по договору может считаться осмотрительным, если она проявила осторожность и расчетливость для надлежащего исполнения своих обязательств. Например, комиссионер не отвечает перед комитентом за неисполнение третьим лицом сделки, заключенной с ним за счет комитента, кроме случая, когда комиссионер не проявил необходимой осмотрительности в выборе этого лица (п. 1 ст. 993 ГК РФ). О такой же осмотрительности, т. е.

осторожности и расчетливости, должна будет позаботиться энергоснабжающая организация, чтобы в результате регулирования режима потребления энергии не допустить перерывов в подаче энергии абоненту (п. 2 ст. 547 ГК РФ). Предвидеть неблагоприятные для сельскохозяйственного урожая последствия, а значит проявить осторожность и расчетливость, должен производитель сельскохозяйственной продукции (ст. 538 ГК РФ). Все вышеперечисленное целиком зависит от характера самого обязательства.

Представляется, что характер обязательства определяется главным образом его целевой направленностью, связанной с основанием его возникновения. Если мы говорим о договорном обязательстве, то его характер продиктован целью самого договора: купить и продать, поставить и принять, сдать в аренду и арендовать, передать на хранение и хранить, дать займы и занять и т. д. Исходя из конкретной цели обязательства, определяются права и обязанности его участников (субъектов). Поэтому в гражданском законодательстве используются такие формулировки, как «характер обязательства должника», «характер требований кредитора», «характер притязаний третьего лица в обязательстве», «имущественный характер обязательства», «обязательства личного характера» [8], «денежные обязательства» [9] и др. Каким же образом связать характер того или иного обязательства с возможностью выявить необходимую степень заботливости и осмотрительности лица, от которого зависит надлежащее исполнение обязательства? Этот вопрос следует адресовать правоприменителю¹.

Другой важной составляющей определения степени заботливости и осмотрительности обязанного лица для надлежащего исполнения обязательства по смыслу абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ являются так называемые условия оборота [10]. Данные условия продиктованы в первую очередь самим гражданским законодательством. Какие правила о гражданском обороте сформулированы в самом законодательстве, таковы будут и его условия [11]. Правила гражданского законодательства об условиях гражданского оборота могут быть сформулированы в общем виде – для гражданского оборота в целом. Так, «гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота, регулирует договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников» (абз. 1 п. 1 ст. 2 ГК РФ).

Кроме того, законодатель использует выражение «обычные условия гражданского оборота» (п. 2 ст. 15 ГК РФ, абз. 2 п. 1 ст. 53.1 ГК РФ). ГК РФ может устанавливать ограничение обычных условий гражданского оборота, например ограничение оборотоспособности объектов гражданских прав (ст. 129 ГК РФ), что напрямую связано с объектами обязательственных правоотношений, когда совершение сделок с определенными объектами допускается только по специальному разрешению [12].

Помимо общих или обычных условий гражданского оборота, к последнему могут предъявляться специальные требования, т. е. законом могут быть предусмотрены специальные условия гражданского оборота, которые характерны для конкретного обязательства, надлежащего исполнения которого ожидает кредитор. Например, порядок проверки качества товара по договору купли-продажи (ст. 474 ГК РФ) в обычных условиях гражданского оборота устанавливается законом или обычно применяемыми условиями проверки товара, подлежащего передаче по договору купли-продажи. Если такой порядок не установлен законом, он может быть установлен самими сторонами в договоре. В противном случае проверка качества товара производится в соответствии с обычаями делового оборота. Формулировка «обычай делового оборота» до сих пор используется в ГК РФ, подчеркивая некий деловой характер гражданского оборота в целом, задуманный законодателем в период становления российского гражданского законодательства в 90-е годы XX века [13].

С началом в 2012 году реформы российского гражданского законодательства законодатель сформулировал такой источник гражданского права, как обычай (ст. 5 ГК РФ), перестав использовать дополнение «деловой оборот». Тем не менее процесс реформирования обычая как источника гражданского права затронул еще не все институты обязательственного права, поэтому приходится говорить об условиях оборота в целом, используя в том числе привязку к деловому обороту. По конкретным видам гражданско-правовых договоров ГК РФ использует это словосочетание, например, применительно к договору поставки (абз. 2 п. 1 ст. 510 ГК РФ), договору подряда (п. 1 ст. 722 ГК РФ), договору хранения (абз. 2 п. 1 ст. 891 ГК РФ), договору комиссии (ст. 992 ГК РФ), агентскому договору (ст. 1006 ГК РФ).

Условия оборота могут носить специфический характер, например, порядок и условия использования чеков при расчетах в гражданско-правовых обязательствах определяются на основании такого вида гражданского оборота, как «платежный оборот» (п. 5 ст. 877 ГК РФ), который продиктован специальными «банковскими правилами». На условия гражданского оборота непосредственное влияние оказывают и нормы публичного права, так называемые публичные условия оборота [14]. Государство не может не контролировать и не осуществлять надзор за гражданским оборотом, например, в сфере недвижимости, устанавливая правила государственной регистрации, за осуществлением определенных видов предпринимательской деятельности, устанавливая лицензионно-разрешительный порядок и т. д. Условия гражданского оборота могут быть продиктованы также обстоятельствами непреодолимой силы – форс-мажорными обстоятельствами, а также любыми жизненными обстоятельствами, которые в той или иной мере могут повлиять на процесс надлежащего исполнения обязательства [15].

Для определения виновности или невиновности обязанного лица при нарушении договорного обязательства, помимо характеристики вышеуказанных категорий, необходимо сказать о мерах надлежащего исполнения обязательства [16]. Исполнено ли обязательство надлежащим или ненадлежащим образом, зависит от

¹ Слесарев С. Если сроки доставки нарушены // *Юридический справочник руководителя*. 2022. № 4. С. 47–54.

предъявляемых гражданским законодательством требований: надлежащему субъекту (ст. 308, 312 ГК РФ); надлежащему предмету (п. 1 ст. 307, ст. 320, 320.1 ГК РФ); надлежащему сроку (ст. 314, 315 ГК РФ); надлежащему месту (ст. 316 ГК РФ); надлежащему способу (ст. 311, 327 ГК РФ).

Если в законодательстве отсутствуют четкие требования к надлежащему исполнению конкретного договорного обязательства, последнее должно быть исполнено в соответствии с условиями, определенными сторонами, например, в договоре [17]. Если в тексте договора стороны не расписали подробно условия надлежащего исполнения своих обязательств, последние должны быть исполнены в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями (абз. 1 ст. 309 ГК РФ). В отличие от заботливости и осмотрительности, для которых ГК РФ использует такую единицу измерения, как степень, для надлежащего исполнения обязательства гражданское законодательство использует выражение «приняло все меры» (абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ) – еще один оценочный критерий, которым предстоит руководствоваться правоприменителю [18].

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в одном из своих определений установила такие обстоятельства: «Генеральный директор общества не осуществлял должный контроль за обществом, не извещал кредиторов о невозможности общества исполнять принятые обязательства, его бездействие является противоправным, а не проявление им должной меры заботливости и осмотрительности к созданному обществу доказывает наличие вины в причинении убытков кредиторам общества» (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.04.2021 № 305-ЭС20-21283 по делу № А40-276528/2019). Получается, что задуманная законодателем характеристика единицы измерения заботливости и осмотрительности, степень, может подменяться формулировкой «должная мера», хотя «мера» в абз. 2 ст. 401 ГК РФ сформулирована применительно к надлежащему исполнению обязательства. Вероятно, правоприменитель может позволить себе некоторую вольную интерпретацию термина из нормы ГК РФ [19].

Автор полагает, что для измерения объема заботливости и осмотрительности в рамках использования этих понятий в ст. 401 ГК РФ больше подходит «степень», нежели «мера». Тем более что меры, которые в приведенном выше примере не были приняты, и характеризуют ненадлежащее исполнение своих обязанностей генеральным директором общества: не осуществлял должный контроль, не извещал кредиторов, т. е. либо вообще не принимал меры для надлежащего исполнения обязательств перед обществом, либо принимал, но, по мнению суда, их оказалось недостаточно [20].

В другом примере из практики Верховного Суда РФ можно усмотреть установление некоторых критериев для определения степени заботливости и осмотрительности. В Постановлении Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 41-АД20-17 отмечается следующее: «...субъекты, реализующие права владения, пользования и распоряжения товарами, находящимися под та-

моженным контролем, обязаны соблюдать требования таможенного законодательства. Вступая в правоотношения, связанные с эксплуатацией судов, проявив необходимую и разумную степень заботливости и осмотрительности при заключении договора тайм-чартера, общество имело возможность установить основания владения судном иным лицом».

Таким образом, для определения степени заботливости и осмотрительности могут применяться свои критерии – необходимость и разумность [21; 22]. В юридической литературе и судебной практике используются и другие характеристики такой степени, например, обычная степень заботливости и осмотрительности [23], стандарт заботливости и осмотрительности [24], должная степень заботливости и осмотрительности [25] и др.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Оценивая поведение лица, признаваемого виновным по смыслу абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ, можно предложить следующие характеристики понятий «заботливость» и «осмотрительность»: поведение стороны по договору может считаться заботливым, если она проявила внимательность и старательность при исполнении своих обязательств; поведение стороны по договору может считаться осмотрительным, если она проявила осторожность и расчетливость при исполнении своих обязательств.

2. Степень заботливости и осмотрительности – субъективный критерий оценки поведения обязанного лица, а характер обязательства, условия оборота, достаточность и эффективность принятых обязанным лицом мер – это факторы, влияющие на определение этой степени.

3. Обращаясь к степени заботливости и осмотрительности, на которую влияют характер обязательства и условия оборота, можно весьма условно говорить о виновности или невиновности обязанного лица. Такая условность продиктована необходимостью оценивать возможность надлежащего исполнения обязательства в конкретных условиях его существования, опираясь на его договорно-правовой характер, который в него закладывает гражданское законодательство.

4. Суд в случае разрешения конкретного спора сам должен определить необходимую степень заботливости и осмотрительности, ее достаточность или недостаточность. Для одних обязательств определенного характера достаточна будет одна степень заботливости и осмотрительности при надлежащем исполнении, а для других обязательств с другим характером та же степень заботливости и осмотрительности может оказаться недостаточной.

5. Все ли меры были приняты должником для надлежащего исполнения обязательства или не все, какое количество, качество, характер и эффективность принятых мер будет считаться оправданием для должника перед кредитором или судом – вопрос для правоприменителя. Его решение будет зависеть от субъективного усмотрения конкретного судьи, который вынужден будет опираться на сложившуюся практику разрешения подобных споров по конкретным видам договорных обязательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2019. 278 с.
2. Ерохина М.Г., Кузнецов С.Н., Стороженко О.А. Актуальные проблемы увольнения руководителя организации // Современное право. 2021. № 10. С. 50–55. DOI: [10.25799/NL.2021.80.30.009](https://doi.org/10.25799/NL.2021.80.30.009).
3. Голубцов В.Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 248–273. DOI: [10.17072/1995-4190-2020-48-248-273](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-48-248-273).
4. Шахова Е.С. Ретроспективный анализ института оплаты за жилищные и коммунальные услуги: практический аспект в условиях пандемии // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 3. С. 76–84. DOI: [10.17803/10.17803/19941471.2021.124.3.076-084](https://doi.org/10.17803/10.17803/19941471.2021.124.3.076-084).
5. Дерюгина Т.В. Недобросовестное поведение как основание возникновения гражданских прав и обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 7. С. 19–23. EDN: [HVLOIC](https://www.edn.ru/HVLOIC).
6. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М.: Юстицинформ, 2019. 140 с. EDN: [ZBLQZT](https://www.edn.ru/ZBLQZT).
7. Ибрагимова А.И. Проблемы совершенствования законодательства в области регулирования мер гражданско-правовой ответственности и санкций за причинение вреда и убытков нарушениями внедоговорных (деликтных) гражданско-правовых обязательств // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 58–61. DOI: [10.18572/0131-6761-2021-2-58-61](https://doi.org/10.18572/0131-6761-2021-2-58-61).
8. Черепанова О.С. Проблема определения личного характера обязательств наследодателя в контексте включения их в наследственную массу // Нотариус. 2021. № 2. С. 29–32. DOI: [10.18572/1813-1204-2021-2-29-32](https://doi.org/10.18572/1813-1204-2021-2-29-32).
9. Лебедев К.К. О процентах по денежным обязательствам // Конкурентное право. 2019. № 4. С. 37–40. EDN: [PRFVBX](https://www.edn.ru/PRFVBX).
10. Виниченко Ю.В. О нормативном правовом регулировании системы гражданского оборота // Гражданское право. 2021. № 5. С. 10–13. DOI: [10.18572/2070-2140-2021-5-10-13](https://doi.org/10.18572/2070-2140-2021-5-10-13).
11. Инжиева Б.Б. Категория «гражданский оборот» в современном гражданском законодательстве и цивилистической науке // Современное право. 2022. № 3. С. 59–64. DOI: [10.25799/NL.2022.50.21.010](https://doi.org/10.25799/NL.2022.50.21.010).
12. Макеева И.В., Зейналова Л.М. Принципы и пределы осуществления гражданских прав // Право и экономика. 2022. № 8. С. 13–18. EDN: [ESFKLR](https://www.edn.ru/ESFKLR).
13. Соловьева Т.Л. Обычай делового оборота как один из источников транспортного права // Транспортное право. 2017. № 1. С. 3–5. EDN: [VHZYUQ](https://www.edn.ru/VHZYUQ).
14. Агапов А.Б. Публичные вещи // Административное право и процесс. 2022. № 1. С. 11–15. DOI: [10.18572/2071-1166-2022-1-11-15](https://doi.org/10.18572/2071-1166-2022-1-11-15).
15. Соломин С.К., Соломина Н.Г. Юридические факты и иные жизненные обстоятельства: цивилистический очерк. М.: Юстицинформ, 2022. 168 с. EDN: [DYSNZB](https://www.edn.ru/DYSNZB).
16. Голубцов В.Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебной арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 2. С. 175–184. DOI: [10.17072/1995-4190-2016-32-175-184](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2016-32-175-184).
17. Васильченко Д.Д. Проблемы условий корпоративного договора в процессе исполнения конкурсного мирового соглашения // Право и экономика. 2019. № 8. С. 54–57. EDN: [FYDELI](https://www.edn.ru/FYDELI).
18. Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. Тенденции исполнения предпринимательских обязательств в правоприменительной деятельности // Современный юрист. 2020. № 2. С. 150–166. EDN: [SRWHNV](https://www.edn.ru/SRWHNV).
19. Шишмарева Т.П. Основания и условия привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника и иных лиц в процедурах несостоятельности (банкротства) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 3–8. EDN: [VTFASQ](https://www.edn.ru/VTFASQ).
20. Микрюков В.А., Микрюкова Г.А. Принцип добросовестности в судебной практике разрешения споров, связанных с перевозкой грузов, пассажиров и багажа // Вестник арбитражной практики. 2020. № 1. С. 28–36. EDN: [MQELIX](https://www.edn.ru/MQELIX).
21. Коновалов А.В. Принцип разумности в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 11–21. DOI: [10.17803/1994-1471.2019.105.8.011-021](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.105.8.011-021).
22. Груздев В.В. О проблеме гражданско-правовой вины // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 10. С. 31–36. EDN: [NCHSXL](https://www.edn.ru/NCHSXL).
23. Зардов Р.С. Об оправданности сохранения механизма законной штрафной неустойки на современном этапе // Закон. 2018. № 6. С. 128–139. EDN: [XSVLKK](https://www.edn.ru/XSVLKK).
24. Бевзенко Р.С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 127–169. EDN: [KAYVPS](https://www.edn.ru/KAYVPS).
25. Бочарникова К.В. О расширительном толковании условий, исключающих обращение взыскания на предмет залога // Хозяйство и право. 2022. № 1. С. 22–35. DOI: [10.18572/0134-2398-2022-1-22-35](https://doi.org/10.18572/0134-2398-2022-1-22-35).

REFERENCES

1. Nam K.V. *Printsip dobrosovestnosti: razvitie, sistema, problemy teorii i praktiki* [The principle of good faith: development, system, problems of theory and practice]. Moscow, Statute Publ., 2019. 278 p.
2. Erokhina M.G., Kuznetsov S.N., Storozhenko O.A. Actual problems of dismissal of the head of the organization. *Modern law*, 2021, no. 10, pp. 50–55. DOI: [10.25799/NL.2021.80.30.009](https://doi.org/10.25799/NL.2021.80.30.009).
3. Golubtsov V.G. Subsidiary liability of persons controlling a debtor: legislative approach evolution. *Perm University Herald. Juridical sciences*, 2020, no. 2, pp. 248–273. DOI: [10.17072/1995-4190-2020-48-248-273](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2020-48-248-273).
4. Shakhova E.S. Retrospective analysis of housing and utilities payment: practical aspect in the context of pandemic. *Actual problems of Russian law*, 2021, no. 3, pp. 76–84. DOI: [10.17803/10.17803/19941471.2021.124.3.076-084](https://doi.org/10.17803/10.17803/19941471.2021.124.3.076-084).
5. Deryugina T.V. Unfair behavior as the basis for the emergence of civil rights and obligations. *Laws of Russia:*

- experience, analysis, practice*, 2021, no. 7, pp. 19–23. EDN: [HVLOIC](#).
6. Solomin S.K., Solomina N.G. *Vozmeshchenie vreda, prichinnogo istochnikom povyshennoy opasnosti* [Compensation of damage caused by a source of increased danger]. Moscow, Ustitsinform Publ., 2019. 140 p. EDN: [ZBLQZ](#).
  7. Ibragimova A.I. Problems of improving legislation in the field of regulation of measures of civil liability and sanctions for causing harm and losses by violations of non-contractual (tort) civil obligations. *Russian Justice*, 2021, no. 2, pp. 58–61. DOI: [10.18572/0131-6761-2021-2-58-61](#).
  8. Cherepanova O.S. The problem of determination of the personal character of testator's obligations within the framework of their inclusion in the mass of the succession. *Notary*, 2021, no. 2, pp. 29–32. DOI: [10.18572/1813-1204-2021-2-29-32](#).
  9. Lebedev K.K. On interest on monetary obligations. *Competition Law*, 2019, no. 4, pp. 37–40. EDN: [PRFVBX](#).
  10. Vinichenko Yu.V. On the legal regulation of the stream of commerce system. *Civil law*, 2021, no. 5, pp. 10–13. DOI: [10.18572/2070-2140-2021-5-10-13](#).
  11. Inzhieva B.B. The category of “civil turnover” in modern civil legislation and civil science. *Modern law*, 2022, no. 3, pp. 59–64. DOI: [10.25799/NI.2022.50.21.010](#).
  12. Makeeva I.V., Zeynalova L.M. Principles and limits of the exercise of civil rights. *Law and Economics*, 2022, no. 8, pp. 13–18. EDN: [ESFKLR](#).
  13. Solovyova T.L. Business practice as one of the sources of transport law. *Transportation law*, 2017, no. 1, pp. 3–5. EDN: [VHZYUQ](#).
  14. Agapov A.B. Res publicae. *Administrative law and procedure*, 2022, no. 1, pp. 11–15. DOI: [10.18572/2071-1166-2022-1-11-15](#).
  15. Solomin S.K., Solomina N.G. *Uridicheskie fakty i inye zhiznennye obstoyatelstva: tsivilisticheskiy ocherk* [Legal facts and other life circumstances: civilistic essay]. Moscow, Ustitsinform Publ., 2022. 168 p. EDN: [DYSNZB](#).
  16. Golubtsov V.G. The principle of good faith as an element of the legal mechanism for stimulating the debtor to the proper execution of obligations and guaranteeing creditors' interests: analysis of judicial and arbitration practice. *Perm University Herald. Juridical sciences*, 2016, no. 2, pp. 175–184. DOI: [10.17072/1995-4190-2016-32-175-184](#).
  17. Vasilchenko D.D. Issues related to the terms and conditions of the corporate agreement in the course of the execution of the tender settlement agreement. *Law and economics*, 2019, no. 8, pp. 54–57. EDN: [FYDELI](#).
  18. Levushkin A.N., Kuzmina I.K. Trends in the fulfillment of business obligations in law enforcement. *Modern lawyer*, 2020, no. 2, pp. 150–166. EDN: [SRWHNV](#).
  19. Shishmareva T.P. Grounds for bringing debtor supervisors and other persons to subsidiary liability in insolvency proceedings. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2018, no. 7, pp. 3–8. EDN: [VTFASQ](#).
  20. Mikryukov V.A., Mikryukova G.A. Principle of good faith in the judicial practice for resolution of disputes related to carriage of goods, passengers and luggage. *Vestnik Arbitrazhnoy Praktiki*, 2020, no. 1, pp. 28–36. EDN: [MOELIX](#).
  21. Kononov A.V. The principle of reasonableness in civil law. *Actual problems of Russian law*, 2019, no. 8, pp. 11–21. DOI: [10.17803/1994-1471.2019.105.8.011-021](#).
  22. Gruzdev V.V. About problem of civil fault. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2010, no. 10, pp. 31–36. EDN: [NCHSXL](#).
  23. Zardov R.S. On the justification of statutory penalty preservation at the present stage. *Law*, 2018, no. 6, pp. 128–139. EDN: [XSVLKX](#).
  24. Bevzenko R.S. Commentaries on Article 8.1 of the Civil Code of the Russian Federation. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2019, no. 11, pp. 127–169. EDN: [KAYVPS](#).
  25. Bocharnikova K.V. On the broad interpretation of the conditions excluding foreclosure on the subject of pledge. *Economy and Law*, 2022, no. 1, pp. 22–35. DOI: [10.18572/0134-2398-2022-1-22-35](#).

Care and diligence as the criteria for determining guilt or innocence in the contractual delinquency

© 2022

Igor V. Mashtakov, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Civil Law and Procedure”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: zavet4@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3797-9158>

Abstract: Identifying the grounds for the civil liability incurrence has always aroused a considerable interest both of the civilists and the practitioners. It is civil law, where the statutory provision that the absence of guilt is proved by a person who violated an obligation (paragraph 2 of Article 401 of the RF Civil Code) is of interest. Therefore, the presumption of guilt enshrined in civil legislation due to the established civilistic tradition cannot but attract attention and still remains relevant for the research. The paper studies the criteria of the state of innocence in breach of an obligation proposed by the legislator. Such a state is defined through the use of the terms “care” and “diligence” in the law. Since there are no clear definitions of careful and diligent behavior in the RF Civil Code, one can conclude from paragraph 1 of Article 401 of the RF Civil Code that the degree of care and discretion depends on the nature of an obligation and the course of events at which a person must take all measures available in the situation to perform an obligation properly. The criteria of the state of innocence in breach of an obligation become the subject of the research. The author of this paper attempts to analyze and consider point by point the wording of Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation concerning

the criteria for determining the innocence of a person who violated a civil obligation. Categories and terms analyzed in the paper are rather common in the law enforcement practice, so in the study, the author relies both on the provisions of the RF Civil Code and on legal acts on a given issue. As a result of the study of the specified criteria of innocence, the author concluded that their somewhat abstract and subjectively evaluative nature does not allow today to achieve uniformity in the understanding and application of this provision of civil legislation.

Keywords: care; diligence; nature of an obligation; course of events; proper execution; sub-paragraph 2 of paragraph 1 of Article 401 of the RF Civil Code.

For citation: Mashtakov I.V. Care and diligence as the criteria for determining guilt or innocence in the contractual delinquency. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2022, no. 4, pp. 28–35. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-4-28-35.

School shootings: уголовно-правовое исследование

© 2022

Николаева Татьяна Геннадьевна^{*1}, аспирант
кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета
*Нечаева Елена Владимировна*², кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, Чебоксары (Россия)

*E-mail: pe4nikovatg@gmail.com

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0099-9040>

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8742-1905>

Аннотация: Проблема подростковой жестокости и случаи насилия в школьной среде, сопряженные с гибелью людей, имеют высокую степень актуальности и неизменно вызывают широкий общественный резонанс. Особое внимание привлекают массовые убийства с применением огнестрельного оружия, когда нападение совершают сами ученики, а жертвами становятся учащиеся или персонал образовательных организаций. Важным фактором, влияющим на распространение скулшутинга в России, явился рост доступности и популяризация социальных сетей в молодежной среде. Однако проблема состоит не только в общедоступности информации о способах совершения преступлений, но и в том, что для многих подростков данные акты расправы становятся способом разрешения конфликта с одноклассниками и педагогами. В статье раскрывается понятие скулшутинга и выделяются его характерные черты. Скулшутинг рассматривается авторами и как негативное социальное явление, и как общественно опасное деяние, нарушающее нормы уголовного законодательства. На основе исследования наиболее громких случаев вооруженных нападений на учебные заведения России и данных официальной статистики проанализированы их причины, а также конкретные меры ответственности, примененные к нападавшим. В качестве приоритетных направлений противодействия скулшутингу названы ограничение оборота оружия, повышение уровня безопасности в социальных сетях, а также совершенствование уголовного законодательства. Особое значение в борьбе с данным явлением отводится раннему выявлению готовящихся актов нападения на образовательные организации, в первую очередь – недопущению травли среди учеников.

Ключевые слова: school shootings; массовые убийства в школах; колумбайнеры; школьные расстрелы; скулшутинг; несовершеннолетние преступники; противодействие скулшутингу.

Для цитирования: Николаева Т.Г., Нечаева Е.В. School shootings: уголовно-правовое исследование // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 4. С. 36–44. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-4-36-44.

ВВЕДЕНИЕ

Первым в России случаем стрельбы в учебном заведении из гражданского оружия по «американскому сценарию» является событие, произошедшее 3 февраля 2014 года в школе № 263 района Отрадное г. Москвы. Ученик 10-го класса указанной школы застрелил двух человек: учителя географии и сотрудника охраны, а также тяжело ранил полицейского, прибывшего на место происшествия. В ходе судебного разбирательства нападавший был признан невменяемым. Ему назначены принудительные меры медицинского характера.

С момента первого случая в России произошло 12 громких нападений на территории образовательных учреждений с участием школьников и подростков, переросших в массовые убийства (таблица 1). Жертвами стали 58 человек. Самые масштабные нападения произошли в Керчи (21 погибший), Ижевске (17 погибших) и Казани (9 погибших).

Криминальное явление в виде акта вооруженного насилия в образовательных организациях получило название “school shootings”, что в переводе с английского означает «школьный расстрел». Некоторые исследователи связывают его с терроризмом. Активное изучение проблемы скулшутинга началось в США, что неудивительно, поскольку именно там зафиксировано

максимальное количество подобных происшествий (60 случаев “school shootings” с 1996 года привели к сотням человеческих жертв). Существенный вклад в изучение данного негативного феномена внес американский ученый, психолог Питер Лангман (Peter Langman) – создатель базы данных School Shooters .info (существует с 2008 года), автор первых книг о скулшутерах, разработчик типологии скулшутеров (психотики, травмы и психопаты) и т. д. [1–3].

Одним из самых резонансных случаев скулшутинга является инцидент в старшей школе «Колумбайн» (штат Колорадо, США). 20 апреля 1999 года двое учеников, Эрик Харрис и Дилан Клиболд, застрелили на территории школы 13 человек и совершили самоубийство, доведя таким образом число погибших до 15. Ранения получили 23 человека.

Вскоре после происшествия, освещенного в прессе, у этих подростков появились подражатели. Последователи, идеализирующие злоумышленников и вдохновленные стрельбой в школе, стали объединяться в социальных сетях. Подобные инциденты с атаками на учебные заведения стали повторяться, а подростков, совершающих вооруженные нападения, стали называть «колумбайнеры».

Как отмечает автор [4], наследие «Колумбайна» настолько велико, что само это слово стало именем

нарицательным, обозначающим стрельбу в школах. Некоторые авторы считают основную часть случаев насилия в российских учебных заведениях копированием аналогичных событий в американских школах [5]. Нами избран подход, предложенный в [6], в соответствии с которым понятия «колумбайн» и «скулшутинг» используются в качестве синонимов.

В России феномен скулшутинга изучен недостаточно. Его исследованию посвящены преимущественно труды психологов, социологов и педагогов. Учеными-криминологами данный вид преступления стал изучаться лишь недавно. Авторы [7] проанализировали степень изученности проблемы скулшутинга (колумбайна) в отечественной научной среде путем поиска публикаций, названия или текст которых содержат в себе слова «скулшутинг» и «колумбайн». Было найдено 109 научных статей, в которых данные понятия упоминаются в тексте хотя бы раз. Непосредственно проблемам скулшутинга и колумбайна посвящены лишь 16 из них, что характеризует слабый характер раскрытия данной проблемы в рамках отечественных гуманитарных исследований.

Многие авторы сходятся во мнении, что распространению скулшутинга некоторым образом способствует интернет. Так, автор [8] выделяет сетевые группы, пропагандирующие, например, суицид у детей («Синий кит»). Неустойчивая детская психика подвержена влиянию деструктивной информации в интернет-пространстве. В [9] предлагается создать инструментарий автоматического анализа социальных сетей для отбора любых, даже самых слабых сигналов о планируемой дате совершения атаки. Мы разделяем точку зрения автора, что оценку таким данным должны давать эксперты в предметной области, иначе адекватность прогнозов будет стремиться к нулю. Автор [10] призывает расширить сферы действия ст. 110.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) путем установления уголовной ответственности за побуждение к совершению убийства посредством распространения информации о способах убийства и призывов к его совершению.

Одним из основных результатов профилактики преступлений автор [11] видит повышение уровня правосознания и правовой культуры несовершеннолетних. Необходимо проводить среди школьников разъяснительную работу о недопустимости буллинга, травли, оскорблений. Автор [12] предлагает во время разъяснительных бесед обращать внимание на последствия для участников буллинга – мести подвергнутого травле лица. Мы разделяем позицию автора [13], который одним из путей решения проблемы скулшутинга видит государственную поддержку досуговой занятости детей, а также формирование нравственных ценностей и жизненных ориентиров подростков путем целевого финансирования производства качественной информационной продукции для детей (кино, видеоролики, мультфильмы, игры).

В рамках систематизации сведений, касающихся случаев скулшутинга в хронологическом порядке, особый исследовательский интерес представляет публикация [14]. Авторы представили наиболее репрезентативные данные о случаях применения насилия в стенах российских учебных заведений по состоянию на де-

кабрь 2018 года. Ими выделены 3 случая скулшутинга, а также 16 нападений учеников на одноклассников и сотрудников образовательных организаций России с применением холодного и других видов оружия. Однако вышеуказанный научный труд имеет преимущественно социально-психологическую направленность. В нем раскрывается проблема характерных признаков школьных расстрелов и их предупреждения, определяются этапы социальных и личностных предикторов школьных расстрелов, а также формируется обобщенный психологический портрет преступника.

В данном научном исследовании охвачены все громкие случаи скулшутинга в России и проведен уголовно-правовой анализ последствий школьных расстрелов. В действующем российском законодательстве отсутствует специальная норма, устанавливающая уголовную ответственность за скулшутинг, поэтому ценность работы заключается в том, что авторами впервые обобщена судебная правоприменительная практика, а имеющиеся сведения о случаях скулшутинга систематизированы в виде таблицы в хронологическом порядке. Акцентируется внимание на проблемах квалификации преступлений, конкретных мерах и сроках наказаний, признаках соучастия в преступлении и вины школьных стрелков.

Цель работы – исследование феномена “school shootings”, анализ случаев скулшутинга и мер ответственности, которые применялись к нападавшим на учебные заведения Российской Федерации.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

При изучении проблемы скулшутинга в России авторы применяли системный метод, позволивший рассмотреть объект исследования комплексно. Данный подход позволил определить понятие и содержание феномена “school shootings”, выявить пробелы российского уголовного законодательства об уголовной ответственности за рассматриваемые деяния, проблемы правоприменительной практики, а также выработать предложения по противодействию данному явлению. На основе данного метода проведено выборочное изучение положений законодательства других стран с целью выявления общих подходов к регламентации правоохранительной сферы, включая закрепление юридической ответственности, а также рассмотрены особенности практики реализации норм юридической ответственности за рассматриваемые деяния.

Поиск и обобщение данных осуществлены на основе информации из открытых источников, таких как официальный сайт СК РФ, публикации в СМИ, интернет-сайты, архивы региональных и федеральных электронных газет, зарубежные источники информации в СМИ, база данных School Shooters¹. Процесс сбора информации и анализа статистических показателей осуществлен в период с 2014 по октябрь 2022 года. Выбранный период характеризуется массовостью явления “school shootings”, а не единичными случаями, имеющими место в прошлом столетии.

¹ *School Shooters .info. 2008–2022.*
URL: <https://schoolshooters.info>.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Можно выделить несколько характерных признаков такого преступного явления, как “school shootings”:

- нападавшие являлись обучающимися образовательного учреждения или имели отношение к нему;
- преступления совершались умышленно, без корыстных мотивов;
- убийства планировались заранее и были направлены на неопределенный круг лиц;
- как правило, это публичные и даже демонстративные акты расправы;
- применялось огнестрельное оружие (в большинстве случаев).

Огнестрельное оружие для совершения атак чаще применяется в странах, где владение им менее ограничено законом, как, например, в США. В странах с более строгими законодательными ограничениями на владение огнестрельным оружием, например в Японии, для совершения нападений чаще используется холодное оружие, но при этом гибнет не меньше людей, так как из-за внезапности нападения люди оказываются парализованы страхом [14]. Для тех же целей могут применяться самодельная бомба, огнемёт и другие виды оружия.

Сведения о фактах нападения учеников с применением оружия и других орудий преступления в образовательных организациях России в 2014–2022 годах приведены в таблице 1.

Проведенный авторами анализ мер уголовной ответственности (таблица 1) позволяет сделать вывод, что на данный момент основными составами преступления, по которым осуждаются «скулшутеры», являются: убийство и покушение на убийство (ст. 105 УК РФ); хулиганство (ст. 213 УК РФ); незаконные приобретение, хранение, перевозка, ношение, изготовление оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 222, 222.1, 223, 223.1 УК РФ); умышленные уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ); угроза убийством (ст. 119 УК РФ); разбой (ст. 162 УК РФ); посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов (ст. 317 УК РФ). В случае отсутствия тяжких последствий подобный акт насилия зачастую квалифицируется как хулиганство, что, конечно, не раскрывает в полной мере мотив преступления.

В соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ за совершение вышеуказанных преступлений уголовная ответственность наступает с 14-летнего возраста. К примеру, максимальный срок наказания за убийство двух и более лиц для взрослых преступников – пожизненное лишение свободы либо смертная казнь. Для несовершеннолетних преступников, совершивших особо тяжкие преступления, в соответствии с ч. 6 ст. 88 УК РФ наказание назначается на срок не свыше 10 лет с отбыванием в воспитательной колонии. При этом, если несовершеннолетний достиг возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, он не подлежит уголовной ответственности.

Как видно из таблицы 1, на данный момент в России реальным сроком закончились только 3 из 11 известных

нападений на учебные заведения. 4 несовершеннолетних преступника (непосредственно нападавшие) приговорены к лишению свободы на сроки от 7 до 9,8 года с отбыванием наказания в воспитательной колонии. В качестве дополнительного наказания штраф в размере 20 тысяч руб. назначен только 1 несовершеннолетнему. Исковые требования потерпевших о возмещении материального и морального вреда превышают общую сумму в 11 миллионов рублей. Расследование по 2 уголовным делам продолжается. Ввиду того, что злоумышленники на момент совершения преступления достигли 18 лет, им грозит максимальное наказание в виде пожизненного лишения свободы. Исход 4 инцидентов – самоубийство нападавших. Нередко «школьных стрелков» признают невменяемыми. 3 подростка приговорены судом к принудительным мерам медицинского характера – лечению в психиатрической больнице.

В случае нападения на школу № 5 в поселке Сосновый Бор под Улан-Удэ сам нападавший признан невменяемым и направлен на принудительное лечение, а двое его соучастников признаны вменяемыми и приговорены к 4 и 6 годам лишения свободы, которое они отбывают в Ангарской воспитательной колонии. Судом установлено, что сообщники «разделяли настроение нападавшего, знали о его планах, помогли изготовить бутылку с зажигательной смесью, в помещении школы удостоверились в нахождении учителя в классе, а затем наблюдали за окружающей обстановкой, чтобы предупредить об опасности обнаружения их преступных намерений».

После каждого крупного происшествия в органах власти на государственном уровне звучат предложения по противодействию и предотвращению подобных трагических инцидентов. К примеру, трагические события в Отрадном в 2014 году подтолкнули правоохранительные органы к проведению проверок обеспечения безопасности в школах. Только в Москве сотрудниками прокуратуры выявлено более 1300 нарушений – неисправных пропускных систем и тревожных кнопок. После инцидента в Ивантеевке в 2017 году Росгвардия проверила частные организации, обеспечивающие безопасность в школах, и выявила более 1100 нарушений. В их числе – отсутствие охранника на рабочем месте, неисправность тревожной кнопки и системы видеонаблюдения. К административной ответственности привлекли более 420 человек. После нападений на школы в Перми и Улан-Удэ в январе 2018 года с разницей в 4 дня экстренно проведены проверки систем безопасности в школах Перми, в ходе которых снова выявлены массовые нарушения: отсутствие систем наблюдения, охраны или экстренного оповещения о чрезвычайных ситуациях. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что уроки трагических событий должны быть известны ответственным за безопасность детей в образовательных учреждениях, не усваиваются.

Необходимо отметить законодательные инициативы, принятые российским правительством ввиду участившихся нападений на школы. Основной вектор законодательства направлен в сторону поиска и устранения причин “school shootings”. Нападение в Ивантеевке привлекло внимание к проблемам колумбайн-сообществ, а именно – защиты детей от них в интернете. Принятый 18 декабря 2018 года Федеральный закон

Таблица 1. Сведения о фактах нападения учеников с применением оружия и других орудий преступления в образовательных организациях России в 2014–2022 годах

Дата	Количество погибших и раненых	Место происшествия	Субъект преступления	Вид орудия	Наказание
03.02.2014	2 погибших (педагог и охранник); 1 раненый сотрудник полиции	г. Москва, школа	Ученик 10-го класса, признан невменяемым	Малокалиберная винтовка	Принудительное лечение сроком не менее 6 месяцев
05.09.2017	4 раненых (3 ученика и педагог)	г. Ивантеевка, школа*	Ученик 9-го класса	Пневматическая винтовка, кухонный топорик, дымовые шашки	Лишение свободы на срок 7 лет и 3 месяца, штраф 20 000 руб. и обязанность выплатить 2 млн руб. потерпевшим**
*Первый случай в России, совершенный последователем массового убийства в школе «Колумбайн». **После задержания нападавшего было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 213 УК РФ (хулиганство с применением взрывчатых веществ), также нападавший подозревался в покушении на убийство двух и более лиц в соответствии со ст. 105 УК РФ					
15.01.2018	12 раненых (9 учеников и педагог, 2 нападавших)	г. Пермь, школа	2 нападавших: ученик 11-го класса и выпускник данной школы, студент 1-го курса	Ножи	Лишение свободы на срок 9 лет и 8 месяцев* и 7 лет соответственно; обязанность выплатить 8 млн руб. потерпевшим
*Нападавшие признаны виновными в совершении трех преступлений по следующим статьям: ч. 3 ст. 30 и пп. «а», «в», «ж», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ (покушение на убийство двух и более лиц, в том числе малолетних, в составе группы лиц по предварительному сговору из хулиганских побуждений); ч. 2 ст. 167 УК РФ (умышленное повреждение или уничтожение чужого имущества путем поджога); ч. 1 ст. 162 УК РФ (разбой)					
19.01.2018	7 раненых (6 учеников и 1 педагог)	г. Улан-Удэ, школа	Нападавший – ученик 9-го класса; 2 соучастника – ученики 9-го класса	Топор, бутылка с зажигательной смесью	Нападавший направлен на принудительное лечение; соучастники приговорены к 4 и 6 годам лишения свободы соответственно*
*Нападавший был признан невменяемым и направлен на принудительное лечение. Действия преступника квалифицировали как покушение на убийство двух и более лиц (ч. 3 ст. 30, пп. «а», «в», «д», «е», «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ), умышленное уничтожение и повреждение чужого имущества (ч. 2 ст. 167 УК РФ), угроза убийством (ч. 1 ст. 119 УК РФ)					
18.04.2018	2 раненых (ученица и преподаватель)	г. Стерлитамак, школа	Ученик 9-го класса	Нож, бензин	Принудительное лечение
10.05.2018	1 погибший (сам нападавший); 3 раненых студента	г. Барабинск, колледж	Студент 1-го курса колледжа	Гладкоствольное охотничье ружье	Совершил самоубийство
17.10.2018	21 погибший (5 сотрудников и 16 студентов, включая нападавшего); 67 раненых	г. Керчь, колледж	Студент 4-го курса колледжа	Взрывные устройства и помповое ружье	Совершил самоубийство*
*Данное преступление изначально квалифицировалось как террористический акт (ст. 205 УК РФ), однако в ходе следствия было переклассифицировано, так как следствие усмотрело признаки преступлений, предусмотренных п. «а» и «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство двух и более лиц общеопасным способом), а также ч. 1 ст. 222.1 УК РФ (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств)					

Дата	Количество погибших и раненых	Место происшествия	Субъект преступления	Вид оружия	Наказание
28.05.2019	1 раненый	г. Вольск, школа	Ученик 7-го класса	Топор, 2 «коктейля Молотова»	Лишение свободы на срок 7 лет*, обязанность выплатить 1 млн руб. потерпевшей
	*Возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 30 и п. «а», «в», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ (покушение на убийство двух и более лиц, совершенное общеопасным способом с особой жестокостью из хулиганских побуждений)				
14.11.2019	2 погибших (1 учащийся и сам нападавший); 3 раненых	г. Благовещенск, колледж	Студент 4-го курса колледжа	Огнестрельное оружие	Совершил самоубийство
11.05.2021	9 погибших (7 учеников и 2 педагога); 21 раненый	г. Казань, гимназия	Выпускник школы, студент 4-го курса колледжа	Огнестрельное оружие, самодельные взрывные устройства	Расследование уголовного дела продолжается*
	*Злоумышленнику грозит пожизненное лишение свободы. Его обвиняют по пяти составам УК РФ – убийство и покушение на убийство; изготовление и хранение взрывчатых веществ и взрывного устройства; умышленное уничтожение и повреждение имущества гимназии (ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 105, ч. 1 ст. 223.1, ч. 1 ст. 222.1 и ч. 2 ст. 167 УК РФ)				
20.09.2021	6 погибших; 47 раненых	г. Пермь, университет	Студент 1-го курса	Огнестрельное оружие	Расследование уголовного дела продолжается*
	*Предъявлено обвинение по пп. «а», «е» ч. 2 ст. 105 (убийство более двух лиц общеопасным способом), ч. 3 ст. 30 (покушение на убийство более двух лиц общеопасным способом) и ст. 317 (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов) УК РФ. Возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 167 УК РФ (умышленное уничтожение или повреждение имущества) по эпизодам повреждения выстрелами автомобилей и имущества вуза в день трагедии				
26.09.2022	17 погибших (11 учеников и 6 сотрудников); 23 раненых	г. Ижевск, школа	Выпускник школы	Огнестрельное оружие	Совершил самоубийство

№ 472-ФЗ «О внесении изменений в ст. 15.1 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и ст. 5 Федерального закона "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию"» позволяет регулировать досудебную блокировку сообществ, посвященных темам стрельбы в школах. В соответствии с этим законом провайдер обязан незамедлительно ограничивать доступ к ресурсам с контентом, пропагандирующим массовые нападения на школы и создающим культ из стрелков школы «Колумбайн». Стоит отметить, что данные поправки были внесены лишь спустя 4 года после первого случая "school shootings" в России, а отдельная норма закона, позволяющая привлекать к ответственности руководство социальных сетей за распространяемую ими информацию, например, о жестокости, насилии и экстремизме, в российском законодательстве до сих пор отсутствует. События в Керчи в 2018 году подтолкнули к законодательной инициативе повысить возраст граждан, которые могут приобрести оружие, до 21 года. Однако до настоящего времени такой законопроект не принят.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В настоящем исследовании были проанализированы произошедшие в Российской Федерации случаи скулшутинга (таблица 1). Начиная с 2014 года массовые убийства в российских образовательных учреждениях (преимущественно школах) происходили не каждый год. По одному случаю зафиксировано в 2014 и 2017 годах. В 2018 году волна насилия захлестнула учебные заведения России: 5 случаев колумбайна, причем 2 из них совершены с разницей в 4 дня. Далее ежегодно фиксировалось по 2 случая массовых расстрелов, не считая 2020 года, когда из-за пандемии школы и университеты были переведены на дистанционный режим обучения. При этом за неполный 2022 год отечественная статистика скулшутинга пополнилась одним из самых масштабных и трагических по числу жертв криминальным событием – нападением на школу в Ижевске 26 сентября 2022 года.

Можно констатировать, что, несмотря на отсутствие положительной динамики зарегистрированных случаев скулшутинга в России, массовые убийства в образовательных учреждениях носят систематический характер

и представляют существенную угрозу общественной безопасности. Из 58 погибших 32 жертвы приходится на последние 1,5 года. Этот факт наиболее полно раскрывает масштаб беды, с которой столкнулось российское общество. В результате этих бесчеловечных актов насилия гибнут наиболее незащищенные и нуждающиеся в заботе и защите слои населения – дети. Статистика наглядно демонстрирует, что в деле предотвращения, противодействия и устранения причин скулшутинга остро ощущается необходимость кардинальных перемен.

Мы убеждены, что предпринимаемые в настоящее время меры противодействия массовым убийствам в школе неэффективны. Требуется совершенствование не только самих предупредительных мер, но и соответствующих отраслей законодательства, способствующих пресечению развития такого явления, как “school shootings”. Профессор социологии Джесси Клейн в своей книге [15] называет травлю основной причиной скулшутинга. Того же мнения придерживается психолог Денис Давыдов. Он отмечает, что буллинг – одна из важнейших предпосылок скулшутинга, и грамотная работа по борьбе с ним в российских учебных заведениях должна начаться с создания условий, исключающих буллинг и любой дискомфорт в школьной среде. Это касается не только взаимоотношений между учениками и педагогами, но и самой организации школьного пространства. «Школа должна быть не бетонной однотипной коробкой, а удобным пространством с небольшими классами, где педагог может уделить внимание каждому подростку, – говорит Давыдов. – Представьте, что вместо этого вокруг здания школы возводят высокий забор, на входе ставят рамки-металлоискатели и вооруженных охранников, которые каждый день досматривают учеников: у одного в портфеле зазвенели циркули – и все его вещи выворачивают наизнанку. Такая школа не является комфортной средой. Это тупиковый путь, хотя и нормальная психологическая реакция на насилие – людям хочется обезопасить себя, поэтому первые в голову приходят вооруженные методы»².

Во многих странах на сегодняшний день разрабатываются и внедряются специальные программы для устранения буллинга и создания положительного психологического климата в учебных заведениях. Например, в США действует программа по предотвращению травли “No Bullying Schools”, созданная группой американских преподавателей, ученых и экспертов. Программы предусматривают такие меры, как внедрение систем анонимных сообщений о случаях насилия в школах, распространение идеологии нетерпимости к буллингу, проведение просветительской работы с учащимися, их родителями и педагогами. Дети с раннего возраста понимают, что такое травля, и знают, как важно в таких случаях обратиться за помощью к взрослым³.

² Башурина Е., Михантьева М. Природа скулшутинга: почему происходят массовые расстрелы в школах и как их предотвратить // Forbes. Новости, которые помогают стать богаче. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/429493-priroda-skulshutinga-pochemu-proishodyat-massovye-rasstrely-v-shkolah-i-kak-ih>.

³ См. 2.

К сожалению, в России широко известных комплексных программ противостояния травле, реализуемых на разных уровнях школьной жизни и привлекающих разных членов школьного сообщества, нет. Авторы [16] в своем исследовании указывают, что профилактика школьных расстрелов должна начинаться не с ужесточения уголовного закона, а с недопущения асоциализации подростков. В настоящее время меры, принятые для профилактики насилия в образовательной среде в контексте проблематики скулшутинга, преимущественно направлены на охрану образовательных учреждений, ограничение свободного оборота огнестрельного оружия и ориентированы на систематическую работу с молодежью [17].

Мы согласны с вышеуказанными мнениями и считаем, что предпринимаемые в настоящее время меры противодействия массовым убийствам в школе неэффективны. На наш взгляд, проблему школьных стрелков необходимо решать не только усилением охраны школ и детских садов, но и созданием и поддержанием благополучного психологического климата и пресечением травли среди учеников и педагогов.

На данный момент разработаны и внедрены инициативы, способствующие исключительно усилению контроля социальных сетей и интернета в целом, расширяющие понятие противоправного контента и позволяющие блокировать соответствующие материалы в судебном порядке. Однако такая практика блокировок показала свою низкую эффективность и неспособность продуктивной борьбы с массовыми расстрелами в школах. В комплексе с принимаемыми мерами было бы разумно исключить возможность регистрации в социальных сетях детей и подростков в возрасте до 14 лет, а также запретить анонимность в интернете. Помимо этого предлагаем ограничить распространение компьютерных игр, в которых содержится открытая пропаганда насилия и жестокости.

Стоит отметить, что вышеуказанные меры противодействия бессильны, если не учесть главный атрибут школьных стрелков. В контексте массовых расстрелов с использованием огнестрельного оружия в первую очередь необходимо ограничить распространение оружия в России и ужесточить контроль за его оборотом и хранением, а также повысить возраст, при достижении которого разрешено владеть оружием, до 21 года. Необходимость внесения поправок в Федеральный закон от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии» ощущается довольно остро, если мы действительно хотим кардинальных перемен в части противодействия “school shootings”.

В качестве дополнительных вариантов повышения эффективности предупреждения школьных расстрелов предлагаем следующие меры, направленные на повышение безопасности в учебных заведениях:

- разработка специальных требований к частным охранным организациям, обеспечивающим безопасность в школах и иных образовательных учреждениях;
- привлечение к охране образовательных организаций ресурсов Росгвардии;
- разработка принципиально новых мер безопасности для школ с учетом опыта произошедших событий.

Результаты исследования показали, что инициативы, принятые в целях противодействия скулшутингу,

направлены преимущественно на последствия уже совершенных преступлений: массовые проверки обеспечения безопасности в школах, защиту детей в интернете путем блокировок сайтов скулшутеров и колумбайн-сообществ, ограничение оборота оружия. Все это, конечно же, имеет значение. Однако единый подход к профилактике травли (буллинга) как основной причины скулшутинга в российских учебных заведениях отсутствует.

Одной из мер защиты при начавшемся нападении автор [12] называет установку замков в двери учебных аудиторий и приобретение устройств для индивидуальной эвакуации. Считаем, что усиление охраны – недостаточная мера для обеспечения безопасности детей в школе. Необходимо осуществлять качественную воспитательную работу для профилактики буллинга. Воспитывать детей нужно так, чтобы они не становились ни объектом, ни субъектом насилия.

Автор [18] считает целесообразным ввести в оборот российской криминологии понятие скулшутинга или массового убийства в образовательной организации. Однако мы разделяем мнение автора [19] о том, что касается введения новой статьи, направленной на привлечение к ответственности непосредственно за “school shootings” и ужесточения наказания за его совершение. Отметим отсутствие необходимости в его разработке, так как существующий Уголовный кодекс без труда позволяет квалифицировать такого рода преступления, и появление новых норм только усложнит работу следственных органов. Статьи действующего УК РФ в полной мере отражают антиобщественное поведение скулшутеров, и конкретизация данных преступлений в УК РФ не требуется. Это связано с тем, что некоторые нападения являются следствием бытовых конфликтов и личной неприязни, и отнести всех злоумышленников к фанатам «Колумбайна» невозможно.

Авторы приходят к выводу, что только комплексный подход в реализации мер противодействия скулшутингу поможет избежать вооруженных нападений среди подростков и сохранить безопасность в школах.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

На данный момент основными составами преступления, по которым осуждаются скулшутеры, являются: убийство и покушение на убийство (ст. 105 УК РФ); хулиганство (ст. 213 УК РФ); незаконное приобретение, хранение, перевозка, ношение, изготовление оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств (ст. 222, 222.1, 223, 223.1 УК РФ); умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ); угроза убийством (ст. 119 УК РФ); разбой (ст. 162 УК РФ); посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов (ст. 317 УК РФ). В случае отсутствия тяжких последствий подобный акт насилия зачастую квалифицируется как хулиганство.

Считаем, что предпринимаемые в настоящее время меры противодействия массовым убийствам в школе неэффективны. На наш взгляд, проблему школьных стрелков необходимо решать не только усилением охраны школ и детских садов, но и созданием и поддержанием благополучного психологического климата и пресечения травли среди учеников и педагогов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Langman P. Why Kids Kill: Inside the Minds of School Shooters. New York: Palgrave Macmillan, 2009. 256 p.
2. Langman P. School Shooters: Understanding High School, College, and Adult Perpetrators. Merilend: Rowan & Littlefield, 2015. 298 p.
3. Langman P. Different Types of Role Model Influence and Fame Seeking among Mass Killers and Copycat Offenders // American Behavioral Scientist. 2018. Vol. 62. № 2. P. 210–228. DOI: [10.1177/0002764217739663](https://doi.org/10.1177/0002764217739663).
4. McWilliam D. Fear and loathing in suburbia: School shootings // Violence in American Popular Culture. Santa Barbara: Praeger, 2015. P. 183–185.
5. Волкова Т.А. Формирование культуры «колумбайнеров» в американских учебных заведениях и ее влияние на молодежную среду в современной России // Вестник гуманитарного образования. 2018. № 4. С. 79–87. DOI: [10.25730/VSU.2070.18.059](https://doi.org/10.25730/VSU.2070.18.059).
6. Никишин В.Д. Колумбайн (скулшутинг): сущность, правовая квалификация, криминалистическая диагностика // Lex russica (русский закон). 2021. Т. 74. № 11. С. 62–76. DOI: [10.17803/1729-5920.2021.180.11.062-076](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.180.11.062-076).
7. Плотников В.В., Самойлов С.Ф. Проблема скулшутинга (колумбайна) в российской науке // Общество и право. 2021. № 2. С. 163–168. EDN: [MXLRBM](https://www.edn.ru/mxlr/bm).
8. Карпов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 442–446. DOI: [10.24420/KUI.2018.49.27.001](https://doi.org/10.24420/KUI.2018.49.27.001).
9. Карпова А.Ю., Максимова Н.Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29. № 1. С. 93–108. DOI: [10.31171/vlast.v29i1.7920](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920).
10. Круковский В.Е., Мосечкин И.Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 196–215. EDN: [JENUOM](https://www.edn.ru/jenuom).
11. Орлова Ю.Р. Актуальные вопросы организации органами внутренних дел предупреждения насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними в образовательных учреждениях // Криминологический журнал. 2020. № 1. С. 43–46. DOI: [10.24411/2687-0185-2020-10012](https://doi.org/10.24411/2687-0185-2020-10012).
12. Мосечкин И.Н. Виктимологические аспекты противодействия вооруженным нападениям на учебные заведения (school-shooting) // Виктимология. 2019. № 1. С. 46–53. EDN: [XRTERA](https://www.edn.ru/xrtera).
13. Дамаскин О.В., Красинский В.В. О предотвращении «колумбайна» (скулшутинга) в образовательных организациях // Государство и право. 2020. № 11. С. 84–96. DOI: [10.31857/S102694520012524-7](https://doi.org/10.31857/S102694520012524-7).
14. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4. С. 62–76. DOI: [10.11621/mpj.2018.0406](https://doi.org/10.11621/mpj.2018.0406).
15. Klein J. The Bully Society: School Shootings and the Crisis of Bullying in America's Schools. New York: NYU Press, 2012. 307 p.
16. Завьялова Н.Ю., Лункашу Ю.В. Скулшутинг как нравственная и юридическая проблема в российском обществе // Общество и право. 2021. № 3. С. 117–122. EDN: [HZYFUX](https://www.edn.ru/hzyfux).

17. Волчецкая Т.С., Авакьян М.В., Осипова Е.В. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах // *Всероссийский криминологический журнал*. 2021. Т. 15. № 5. С. 578–591. DOI: [10.17150/2500-4255.2021.15\(5\).578-591](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591).
18. Суходольская Ю.В. Скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2020. № 3. С. 117–120. EDN: [CPENAT](https://www.edn.ru/CPENAT).
19. Чунин А.С. Феномен скулшутинга в современной России. Правовой аспект // *Обзор.НЦПТИ*. 2020. № 3. С. 48–52. EDN: [NZLVVP](https://www.edn.ru/NZLVVP).
20. *instituta MVD Rossii*, 2018, no. 4, pp. 442–446. DOI: [10.24420/KUI.2018.49.27.001](https://doi.org/10.24420/KUI.2018.49.27.001).
9. Karpova A.Yu., Maksimova N.G. School shooting in Russia: what matters? *Vlast*, 2021, vol. 29, no. 1, pp. 93–108. DOI: [10.31171/vlast.v29i1.7920](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920).
10. Krukovskiy V.E., Mosechkin I.N. Legal issues of counteractions to encouraging murders and suicides. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2018, no. 4, pp. 196–215. EDN: [JENUOM](https://www.edn.ru/JENUOM).
11. Orlova Yu.R. Topical issues of the organization by the bodies of the internal affairs of prevention of violent crimes committed by minors in educational institutions. *Kriminologicheskij zhurnal*, 2020, no. 1, pp. 43–46. DOI: [10.24411/2687-0185-2020-10012](https://doi.org/10.24411/2687-0185-2020-10012).
12. Mosechkin I.N. Victimological aspects of counteraction to school-shooting. *Viktimologiya*, 2019, no. 1, pp. 46–53. EDN: [XRTERA](https://www.edn.ru/XRTERA).
13. Damaskin O.V., Krasinskiy V.V. On “columbine” (schoolshooting) prevention in educational institutions. *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 11, pp. 84–96. DOI: [10.31857/S102694520012524-7](https://doi.org/10.31857/S102694520012524-7).
14. Davydov D.G., Khlomov K.D. Massacres in educational institutions: mechanisms, causes, prevention. *Natsionalnyy psikhologicheskij zhurnal*, 2018, no. 4, pp. 62–76. DOI: [10.11621/npj.2018.0406](https://doi.org/10.11621/npj.2018.0406).
15. Klein J. *The Bully Society: School Shootings and the Crisis of Bullying in America's Schools*. New York, NYU Press Publ., 2012. 307 p.
16. Zavyalova N.Yu., Lunkashu Yu.V. School shooting as a moral and legal problem in Russian society. *Obshchestvo i pravo*, 2021, no. 3, pp. 117–122. EDN: [HZYFUX](https://www.edn.ru/HZYFUX).
17. Volchetskaya T.S., Avakyan M.V., Osipova E.V. The criminological description and prevention of school shootings and cyberbullying in Russia and abroad. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal*, 2021, vol. 15, no. 5, pp. 578–591. DOI: [10.17150/2500-4255.2021.15\(5\).578-591](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591).
18. Sukhodolskaya Yu.V. Schoolshooting as an independent criminological phenomenon. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2020, no. 3, pp. 117–120. EDN: [CPENAT](https://www.edn.ru/CPENAT).
19. Chudin A.S. The phenomenon of schoolshooting in modern Russia. *Obzor.NTsPTI*, 2020, no. 3, pp. 48–52. EDN: [NZLVVP](https://www.edn.ru/NZLVVP).

REFERENCES

School shootings: criminal law investigation

© 2022

Tatyana G. Nikolaeva*¹, postgraduate student of Chair of Criminal and Legal Disciplines of the Faculty of Law
Elena V. Nechaeva², PhD (Law), assistant professor of Chair of Criminal and Legal Disciplines of the Faculty of Law
I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary (Russia)

*E-mail: pe4nikovat@gmail.com

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0099-9040>

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8742-1905>

Abstract: The problem of adolescent violence and the cases of violence in the school environment associated with the mortality are of the high-degree urgency and cause a wide public outcry. Mass murders involving firearms, when an attack is committed by the students and the victims are students or school staff, are of particular concern. An important factor influencing the spread of school shooting in Russia is the growth of availability and popularization of social networks among young people. However, the problem is not only in the common availability of the information about the ways of committing the crimes, but in the fact that for many adolescents, such acts of massacre become a way of solution to conflicts with classmates and teachers. The paper reveals the concept of school shooting and specifies its characteristic features. The authors consider school shooting both as a negative social phenomenon and socially-dangerous act violating the norms of criminal law. Based on the study of the most famous cases of armed attacks on educational institutions

of Russia and the official statistics data, the authors analyzed their reasons and the specific responsibility measures applied to attackers. As the priority directions of school shooting counteraction, the authors name the restriction of arms in circulation, the improvement of safety in social networks, and the improvement of criminal legislation. Special significance in the struggle with this phenomenon, the authors give to early recognition of forthcoming attacks on educational institutions, especially preventing bullying among the students.

Keywords: school shootings; mass murders in schools; Columbiners; school shooting; juvenal criminals; school shooting counteraction.

For citation: Nikolaeva T.G., Nechaeva E.V. School shootings: criminal law investigation. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2022, no. 4, pp. 36–44. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-4-36-44.

Некоторые проблемы квалификации преступлений, совершаемых с применением насилия, по российскому уголовному законодательству

© 2022

Савельева Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: saveleva_olga@mail.ruORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5214-4968>

Аннотация: Преступления, совершаемые с применением насилия, связаны с посягательством на личность, ее основные блага и свободы (жизнь, здоровье, телесную неприкосновенность). Конституционным судом РФ подчеркивается обязанность государства разрабатывать меры противодействия преступному насилию. Особое место занимает уголовная политика по противодействию насилию, прежде всего сексуальной направленности, в отношении детей. Следуя этим принципам, законодатель усилил уголовную ответственность за ряд насильственных преступлений. Работа посвящена анализу содержания ст. 116.1, 117, 131, 132, 286 и 302 УК РФ, подвергшихся изменениям и дополнениям в 2022 году. Акцент сделан на исследовании тех новелл уголовного законодательства, в отношении которых отсутствуют наработки в научной доктрине и разъяснения высшей судебной инстанции. Для формирования понятийного аппарата проводились теоретические исследования научных публикаций, связанных с тематикой насильственных преступлений. С этой же целью анализировались положения разъяснений Пленума Верховного суда РФ. Кроме того, акты высшей судебной инстанции исследовались на предмет их соответствия измененным редакциям ст. 131, 132, 286 УК РФ. По результатам проведенного исследования сформулированы определения понятий «насильственные преступления» и «преступления, совершаемые с применением насилия». Сформированы предложения по квалификации преступлений, предусмотренных ст. 286 и 302 УК РФ, при возникновении конкуренции между ними. Выработаны рекомендации по квалификации преступлений, предусмотренных ст. 131, 132 УК РФ, совершенных в отношении несовершеннолетних и сопряженных с тяжкими или особо тяжкими преступлениями против личности.

Ключевые слова: насильственные преступления; преступления, совершаемые с применением насилия; угроза насилия; пытка.

Для цитирования: Савельева О.Ю. Некоторые проблемы квалификации преступлений, совершаемых с применением насилия, по российскому уголовному законодательству // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 4. С. 45–50. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-4-45-50.

ВВЕДЕНИЕ

Законодательное определение преступлений, совершаемых с применением насилия, и насильственных преступлений отсутствует. В связи с этим вопрос о понятии, признаках и видах насильственных преступлений давно прорабатывается в научной доктрине. Основу таких преступлений составляет признак насилия. Однако в чем заключается сущность насилия? От ответа на этот вопрос зависит то, какие посягательства должны относиться к числу насильственных. Среди ученых превагирует точка зрения, что насильственными являются те преступления, которые совершаются с применением физического или психического насилия [1; 2]. При этом некоторые авторы в своих исследованиях особое внимание уделяют проблеме определения психического насилия [1; 3]. В [4] автор трактует термин «насилие» не только как непосредственное физическое воздействие на потерпевшего, но и как ограничение или исключение его свободы. Отдельные ученые выделяют противоправность как неотъемлемый признак насилия [5]. Высказывается также точка зрения, что преступление будет относиться к числу насильственных в том случае, если в диспозиции уголовно-правовой нормы содержатся специальные термины, указывающие на насильственный характер деяния, на-

пример «насильственные действия или угроза применения насилия», «насилие» и т. д. [6]. Большинство авторов отмечают, что насильственными могут являться только умышленные деяния [2; 7; 8].

Необходимость обращения к данному, казалось бы, чисто теоретическому вопросу в рамках обозначенной темы исследования обусловлена прежде всего теми изменениями, которые были внесены в ст. 116.1 УК РФ Федеральным законом от 28.06.2022 № 203-ФЗ. Состав побоев был дополнен квалифицирующим признаком, предусматривающим более строгую ответственность для лиц, ранее судимых за совершение преступлений с применением насилия. При этом законодатель не разъяснил, что следует понимать под «преступлениями, совершаемыми с применением насилия». Нет толкования на этот счет, применительно к ч. 2 ст. 116.1 УК РФ, со стороны ВС РФ, что вполне объяснимо, учитывая, что изменения в ст. 116.1 УК РФ вступили в силу всего несколько месяцев назад.

Стоит сказать, что в течение 2022 года уголовное законодательство неоднократно подвергалось корректировке, в том числе затронувшей содержание и других насильственных преступлений, предусмотренных ст. 117, 131, 132, 133, 286, 302 УК РФ. Так, Федеральными законами от 28.01.2022 № 3-ФЗ и от 06.03.2022 № 38-ФЗ ст. 131, 132, 133 УК РФ дополнены новыми

особо квалифицированными признаками, а в Федеральном законе от 14.07.2022 № 307-ФЗ по-новому изложено понятие пытки и изменена ответственность за преступления, совершенные с применением пытки. Вследствие этого отдельные положения Постановлений Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19 и от 04.12.2014 № 16 требуют приведения в соответствие с нормами действующей редакции УК РФ.

Цель исследования – выработка определения понятия «преступления, совершаемые с применением насилия», выявление проблем квалификации таких преступлений и внесение предложений по устранению этих проблем.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проходило в несколько этапов:

- 1) определение составообразующих признаков преступления по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ;
- 2) выявление проблем квалификации по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ;
- 3) выявление проблем квалификации по ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 4, 5 ст. 286, ч. 3 ст. 302 УК РФ;
- 4) предложение путей решения обозначенных в статье проблем квалификации.

На каждом этапе исследования анализировались материалы судебной практики, обобщенные в постановлениях Пленума ВС РФ, а также научная литература по указанной тематике.

Для достижения целей, обозначенных в настоящей статье, применены общенаучные методы познания. Так, при анализе положений ч. 2 ст. 116.1 УК РФ использовались методы аналогии и синтеза. С помощью сравнительно-правового метода исследовался вопрос о соответствии положений отдельных постановлений Пленума ВС РФ действующей редакции УК РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Квалификация по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ

Тенденцией последнего десятилетия является активное установление и (или) усиление уголовной ответственности за повторное совершение аналогичных (тождественных) или однородных деяний. Такие посяательства подразделяются на четыре вида:

- 1) состав преступления содержит признак административной преюдиции (например, ст. 151.1 УК РФ);
- 2) в составах с отягчающими признаками указывается на наличие судимости (например, ч. 2 ст. 204.2, ч. 2 ст. 291.2 УК РФ);
- 3) в основной состав включен признак административной преюдиции, а в квалифицированный – признак судимости (ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ); соответственно, здесь прослеживается критерий постепенного ужесточения ответственности от административной (деяние совершено впервые) до уголовной (деяние становится преступным при совершении вторично) и усиленной уголовной ответственности (преступное деяние совершено в третий раз и более трех раз);
- 4) состав преступления одновременно содержит признаки административной преюдиции и судимости (ч. 1 ст. 284.1 УК РФ). О некорректности такой конст-

рукции состава преступления автором упоминалось ранее [9].

Из анализа одиннадцати составов преступлений с признаками судимости следует, что законодатель при формулировании данных норм придерживался основного принципа – наличия судимости за однородные и тождественные преступления (п. «а» ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 5 ст. 132, п. «в» ч. 3 ст. 133, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135, ч. 2 ст. 204.2, ч. 2 ст. 264.1, ч. 2 ст. 264.3, ч. 2 ст. 291.2 УК РФ) либо только за тождественные преступления (ч. 2 ст. 264.2, ч. 1 ст. 284.1 УК РФ).

При конструировании ч. 2 ст. 116.1 УК РФ законодатель, казалось бы, также должен был пойти по третьему из отмеченных выше вариантов. Тем более что предпосылкой введения ч. 2 ст. 116.1 УК РФ являлось Постановление КС РФ от 08.04.2021 № 11-П (далее – Постановление № 11-П). В нем указывалось на необходимость установить повышенную уголовную ответственность за совершение действий, описанных в диспозиции ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, в отношении ранее судимых лиц за тождественные (по ст. 116.1 УК РФ) или однородные деяния (объективная сторона которых в качестве обязательного признака включает способ посяательства в виде побоев или иных насильственных действий, причиняющих физическую боль). Однако в итоге ч. 2 ст. 116.1 УК РФ была изложена иначе, отлична от всех остальных составов преступлений, перечисленных выше.

Анализируя значение понятия «применение насилия», необходимо отметить, что Пленум ВС РФ в этом случае трактует насилие в широком смысле, обобщая как опасное (вред здоровью), так и неопасное для жизни и здоровья (побои или иное насильственное воздействие, вызывающее физическую боль) насилие (об этом говорится, например, в п. 16 Постановления от 24.12.2019 № 58). В некоторых же составах преступлений (ст. 161 и 162 УК РФ) законодатель дифференцирует насилие в зависимости от опасности и неопасности для жизни и здоровья (толкование дается Пленумом ВС РФ в нескольких актах, например в Постановлении от 27.12.2002 № 29).

Обращает на себя внимание и другая проблема, касающаяся квалификации по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ. Связана она со специальным рецидивом, который может образовывать судимость за ранее совершенное умышленное насильственное преступление [10; 11]. Термин «рецидив» упоминается и в Постановлении № 11-П. Ответственность за преступления, связанные с применением насилия, наступает с 14 или 16 лет. При этом среди преступлений, совершаемых несовершеннолетними, как следует из данных статистики за I полугодие 2022 года, наряду с кражами (3520) и мошенничествами (64) как раз преобладают такие посяательства, как насильственный грабеж (484), разбой (175), вымогательство (96), изнасилования (49) и насильственные действия сексуального характера (85)¹. По подсчетам исследователей, доля несовершеннолетних, совершивших обозначенные посяательства, в 1,5–2 раза превышает показатели по остальным преступлениям [12]. Следовательно, вероятность совершения преступления,

¹ Судебный департамент при ВС РФ.
URL: www.cdep.ru/?id=79.

предусмотренного ст. 116.1 УК РФ, несовершеннолетним, ранее судимым за насильственные деяния и деяния, с применением насилия, довольно высока. Однако должна ли такая судимость влиять на квалификацию по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ? Единственная норма, регламентирующая вопросы рецидива, закреплена в ст. 18 УК РФ. Разъяснения ВС РФ на этот счет даются только применительно к ст. 131–135 УК РФ.

Квалификация иных преступлений, совершаемых с применением насилия

В течение длительного времени существовала проблема разграничения п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ и ч. 2 ст. 302 УК РФ (в прежней редакции) в связи с тем, что оба состава предусматривали идентичные способы совершения – применение пытки [13–15]. С изменением содержания п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ и исключения понятия пытки из примечания к данной норме конкуренция с ч. 2 ст. 302 УК РФ исчезла. Но теперь она возникла между ч. 4 ст. 286 УК РФ и ч. 3 ст. 302 УК РФ (в новой редакции), поскольку понятие пытки дается в примечании к ст. 286 УК РФ и распространяется на положения ч. 3 ст. 302 УК РФ.

Кроме того, ст. 286 УК РФ была дополнена ч. 5, в которой речь идет о смерти по неосторожности и о тяжком вреде здоровью, наступивших в результате применения пытки. Это вызывает конкуренцию с положениями ч. 3 ст. 286 УК РФ, где говорится о применении насилия (п. «а») и тяжких последствиях (п. «в»). Толкование термина «тяжкие последствия» дается в п. 21 Постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19.

Следует обратить внимание и на новую редакцию ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 УК РФ, в которых содержится признак, предполагающий сопряжение данных деяний, совершенных в отношении несовершеннолетних или малолетних, с тяжкими и особо тяжкими преступлениями против личности, кроме п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Под категорию «тяжкие и особо тяжкие преступления против личности» прежде всего попадают деяния, предусмотренные ст. 111, ч. 2, 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127, ст. 131, 132 УК РФ.

При этом в п. 2, 9 Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16 разъясняется, что совокупность преступлений образует:

1) совершение в разной последовательности деяний, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ, в отношении одного и того же потерпевшего;

2) умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 131 или 132 УК РФ.

Таким образом, возникает вопрос о том, насколько приведенные разъяснения ВС РФ применимы к действующим редакциям ст. 131 и 132 УК РФ.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

1. Анализ всех точек зрения, изложенных в научных исследованиях относительно понимания насильственных преступлений, позволяет сделать вывод, что понятия «насильственное преступление» и «преступление, совершаемое с применением насилия» не тождественны. Первый термин шире второго.

К насильственным преступлениям следует относить умышленные деяния, в которых насилие любого характера (опасное и неопасное для жизни и здоровья), в т. ч. психическое насилие в виде угрозы применения физического воздействия, является способом совершения посягательства либо результат насильственного воздействия (вред здоровью) заложен в конструкцию общественно опасных последствий.

Термин же «применение насилия» предполагает только фактическую реализацию насильственного воздействия. Такой вывод, в частности, следует из п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2019 № 58. Соответственно, к преступлениям, совершаемым с применением насилия, с учетом содержания УК РФ, разъяснений КС РФ и ВС РФ, следует относить только те насильственные преступления, в которых насилие выступает в качестве способа совершения деяния в виде побоев, иных физических насильственных действий, а также причинения вреда здоровью – от легкого до тяжкого.

Однако, несмотря даже на более узкую трактовку, формулировка «преступление, совершаемое с применением насилия» предполагает наличие судимости за очень широкий спектр преступлений. Это посягательства по ч. 1 ст. 116.1, ст. 117, 161, 213, 334 УК РФ, о которых говорится в Постановлении № 11-П и для которых свойственно применение насилия, неопасного для жизни и здоровья человека. Это также те деяния, способом совершения которых выступает применение насилия, опасного для жизни и здоровья (причинение вреда здоровью) (ст. 162, ч. 2 ст. 126, ч. 2 ст. 127, ч. 4 ст. 286 УК РФ и т. д.).

Не должны учитываться по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ судимости за следующие преступления:

– связанные с применением психического насилия в виде угрозы причинения вреда здоровью (например, по ст. 119 УК РФ);

– связанные с применением насилия, влекущим преступные последствия в виде физического вреда (например, по ст. 111, 112, 115 УК РФ). Здесь вред здоровью выступает не как способ совершения деяния (применения насилия), а как последствие насильственного воздействия.

2. Рассматривая вопрос о специальном рецидиве, необходимо прежде всего обратиться к положениям п. «б» ч. 4 ст. 18 УК РФ. По правилам данной нормы при признании рецидива не берется в расчет судимость в несовершеннолетнем возрасте. Однако если обратиться к мнению Пленума ВС РФ, изложенному в п. 14 Постановления от 04.12.2014 № 16 в части квалификации преступлений, предусмотренных ст. 131–135 УК РФ, то в данном случае ВС РФ занял иную, критикуемую в науке [16] позицию.

Кроме того, согласно п. «а» ч. 4 ст. 18 УК РФ при рецидиве не учитывается судимость за преступление небольшой тяжести (к которому, например, будет относиться ч. 1 ст. 116.1 УК РФ). Однако анализ других составов преступлений с признаком судимости свидетельствует о том, что и в них допускается наличие судимости за преступления небольшой тяжести (например, по ст. 204.2, 291.2 УК РФ).

3. П. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2022 № 20 в части квалификации принуждения к даче показаний с применением пытки ориентирован на прежнюю редакцию УК РФ.

Ответ о разрешении конкуренции между ч. 4 ст. 286 и ч. 3 ст. 302 УК РФ основывается на принципе соотношения общей и специальной норм. В науке традиционно ст. 286 УК РФ относится к общей норме по отношению к другим составам преступлений раздела 10 УК РФ [17; 18], в т. ч. размещенным в гл. 31 [19]. В судебной практике вопрос о конкуренции между ст. 286 и ст. 302 УК РФ также решается в пользу последней [20].

Действительно, если потерпевший подвергается пытке в рамках имеющегося уголовного дела, то квалификация однозначно должна проводиться по ч. 3 ст. 302 УК РФ. Но сложнее решить этот вопрос, когда пытка применяется на стадии проведения оперативно-розыскных мероприятий. В таком случае основанием для квалификации по ч. 3 ст. 302 УК РФ будет являться наличие проверочного материала КУСП (книги учета сообщений о происшествиях).

4. В п. 21 Постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19 в качестве одного из тяжких последствий указывается причинение смерти по неосторожности. Это разъяснение на сегодняшний день актуально только в части, не касающейся наступления таких последствий вследствие применения пытки. Что же касается тяжкого вреда здоровью, то ч. 5 ст. 286 УК РФ охватывает причинение такого вреда в результате пытки с любой формой вины. Если же умышленное причинение тяжкого вреда здоровью не было связано с пыткой, то содеянное должно квалифицироваться по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ по признаку «применение насилия».

5. Разъяснения, которые даются в п. 2, 9 Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16, в настоящее время приемлемы только в части совершения преступлений, предусмотренных ст. 131 или 132 УК РФ, в отношении совершеннолетних потерпевших. Что же касается квалификации указанных половых преступлений в отношении несовершеннолетних (малолетних) потерпевших, то здесь необходимо учитывать следующее.

Если в результате совершения таких преступлений наступили последствия, предусмотренные ст. 111 УК РФ, совокупность отсутствует (квалификация по п. «в» ч. 5 ст. 131 (ст. 132 УК РФ)).

Равным образом не должны образовывать совокупность в разной последовательности совершенные акты изнасилования и насильственных действий сексуального характера. Полагаем, что вопрос о выборе статьи, по которой будет проводиться квалификация, в данном случае зависит от того, какое деяние было совершено первым. Так, если первым имел место акт изнасилования, то содеянное квалифицируется по п. «в» ч. 5 ст. 131 УК РФ (как сопряженное с деянием, подпадающим под признаки ст. 132 УК РФ).

Если рассматриваемые половые преступления были сопряжены с похищением или лишением свободы, то вопрос о вменении совокупности двух преступлений здесь может возникнуть только тогда, когда умысел у виновного на совершение преступления по ст. 131 (ст. 132) УК РФ возник после похищения или лишения свободы. В таком случае содеянное может образовывать совокупность при квалификации похищения по ч. 1 ст. 126 УК РФ, а незаконного лишения свободы – по ч. 1 и (или) 2 ст. 127 УК РФ. В остальных случаях совокупность исключается.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

1. Положения ч. 2 ст. 116.1 УК РФ не соответствуют позиции КС РФ, озвученной в Постановлении № 11-П. В этой связи предлагается изменить данную норму, указав на наличие судимости за преступление, совершенное с применением насилия, неопасного для жизни и здоровья.

2. В связи с появлением в уголовном законодательстве составов преступлений с признаками судимости, возникает коллизия между нормами Особенной и Общей частей УК РФ (ст. 18 УК РФ). Она может быть разрешена путем дополнения положений ст. 18 УК РФ исключением для соответствующих составов Особенной части УК РФ в части наличия судимости в несовершеннолетнем возрасте и (или) судимости за умышленные преступления небольшой тяжести.

3. Необходима ревизия Постановлений Пленума ВС РФ для приведения их в соответствие с действующей редакцией УК РФ. Это прежде всего касается Постановлений Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19 и от 04.12.2014 № 16.

В частности, в Постановлении Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19 должна быть изложена позиция Верховного суда РФ относительно разграничения преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 286 УК РФ, и преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 302 УК РФ.

В Постановлении от 04.12.2014 № 16 требуется дать разъяснения о квалификации преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 131 и ч. 5 ст. 132 УК РФ, если они сопряжены с совершением однородных деяний (изнасилование сопряжено с насильственными действиями сексуального характера и наоборот).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Насильственная преступность / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М.: Спарк, 1997. 139 с.
2. Шарапов Р.Д. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1. С. 112–124. EDN: [TNIMLV](#).
3. Попов Д.В. О психическом насилии как признаке объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 150, 151 УК РФ // Российский судья. 2016. № 12. С. 36–41. EDN: [XEANUT](#).
4. Безручко Е. Использование термина «насилие» в уголовном законодательстве России // Уголовное право. 2014. № 5. С. 24–26. EDN: [TBWWLJ](#).
5. Тимошина Е.М. Теоретические и правовые основы понятий «семейное насилие» и «семейная насильственная преступность» // Российский следователь. 2022. № 1. С. 47–50. DOI: [10.18572/1812-3783-2022-1-47-50](#).
6. Смирнов В.В. Уголовно-правовая характеристика рецидивной насильственной преступности против личности // Российский следователь. 2006. № 10. С. 25–29. EDN: [KXVNBV](#).
7. Аксенов А.Н. Актуальные вопросы уголовно-правового регулирования преступлений, сопряженных с насилием // Российский следователь. 2020. № 5. С. 29–32. DOI: [10.18572/1812-3783-2020-5-29-32](#).
8. Гаухман Л. Проблемы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2014. № 5. С. 39–42. EDN: [TBWWNH](#).

9. Савельева О.Ю. Институты множественности преступлений и административной преюдиции в современном российском уголовном праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2021. № 4. С. 43–47. DOI: [10.18323/2220-7457-2021-4-43-47](https://doi.org/10.18323/2220-7457-2021-4-43-47).
10. Волконская Е.К. Рецидив насильственных преступлений в контексте криминальных процессов, происходящих в России // Lex russica (Русский закон). 2014. Т. 96. № 6. С. 712–720. EDN: [SFERYB](https://www.edn.ru/SFERYB).
11. Волконская Е.К. Рецидив насильственных преступлений: социологическое исследование // Lex russica (Русский закон). 2016. № 5. С. 203–216. DOI: [10.17803/1729-5920.2016.114.5.203-216](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.114.5.203-216).
12. Колесников Р.В. Современное состояние преступности несовершеннолетних // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 1. С. 47–56. DOI: [10.46741/2686-9764.2022.57.1.005](https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.57.1.005).
13. Векленко В., Галюкова М. Истязание и пытка: уголовно-правовой анализ // Уголовное право. 2007. № 4. С. 15–18. EDN: [KXKTGV](https://www.edn.ru/KXKTGV).
14. Дядькин О.Н., Ахмедов М.Н. о.глы. Проблемы совершенствования статьи 286 УК РФ: нормы международных актов и российский опыт // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 1. С. 23–26. DOI: [10.18572/2071-1190-2021-1-23-26](https://doi.org/10.18572/2071-1190-2021-1-23-26).
15. Ширманов И.А. Об усилении конституционных гарантий прав и свобод личности уголовно-правовым запретом на пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 19. С. 37–40. EDN: [KYOOBV](https://www.edn.ru/KYOOBV).
16. Базаров Р.А. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за особо квалифицированные составы изнасилования // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2019. № 2. С. 21–24. DOI: [10.18572/2072-4438-2019-2-21-24](https://doi.org/10.18572/2072-4438-2019-2-21-24).
17. Векленко В.В., Борков В.Н. Расширительное толкование превышения должностных полномочий // Российский следователь. 2019. № 6. С. 48–51. EDN: [AYWBYI](https://www.edn.ru/AYWBYI).
18. Гузеева О.С. Конституционные основы уголовной ответственности за злоупотребление правами и свободами // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 1. С. 133–152. DOI: [10.17072/1995-4190-2021-51-133-152](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-51-133-152).
19. Борков В.Н. Квалификация преступлений, совершаемых в сфере оперативно-разыскной деятельности // Уголовное право. 2018. № 1. С. 15–22. EDN: [XOEJSP](https://www.edn.ru/XOEJSP).
20. Карабанова Е.Н. Квалификация незаконного применения насилия сотрудниками полиции // Законность. 2020. № 11. С. 48–52. EDN: [DOHLCM](https://www.edn.ru/DOHLCM).
3. Popov D.V. Emotional abuse as a sign of the objective aspect of crimes provided for in art. 150, 151 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Russian Judge*, 2016, no. 12, pp. 36–41. EDN: [XEANUT](https://www.edn.ru/XEANUT).
4. Bezruchko Y.V. The use the term “violence” in the Russian criminal legislation. *Criminal law*, 2014, no. 5, pp. 24–26. EDN: [TBWWLJ](https://www.edn.ru/TBWWLJ).
5. Timoshina E.M. Theoretical and legal grounds for family violence and violent family crime concepts. *Russian Investigator*, 2022, no. 1, pp. 47–50. DOI: [10.18572/1812-3783-2022-1-47-50](https://doi.org/10.18572/1812-3783-2022-1-47-50).
6. Smirnov V.V. Criminal-legal characteristics of recurrent violent crime against the person. *Russian Investigator*, 2006, no. 10, pp. 25–29. EDN: [KXVNB8](https://www.edn.ru/KXVNB8).
7. Aksenov A.N. Relevant issues of the criminal law regulation of violent crimes. *Russian Investigator*, 2020, no. 5, pp. 29–32. DOI: [10.18572/1812-3783-2020-5-29-32](https://doi.org/10.18572/1812-3783-2020-5-29-32).
8. Gaukhman L.D. The problems of classification of violent crimes. *Criminal law*, 2014, no. 5, pp. 39–42. EDN: [TBWWNH](https://www.edn.ru/TBWWNH).
9. Savelyeva O.Yu. Institutions of multiple crimes and administrative prejudice in contemporary Russian criminal law. *Science vector of Togliatti state university. Series: Legal sciences*, 2021, no. 4, pp. 43–47. DOI: [10.18323/2220-7457-2021-4-43-47](https://doi.org/10.18323/2220-7457-2021-4-43-47).
10. Volkonskaya E.K. The recurrence of violent crimes in the context of criminal processes taking place in Russia. *Lex russica (The Russian Law)*, 2014, vol. 96, no. 6, pp. 712–720. EDN: [SFERYB](https://www.edn.ru/SFERYB).
11. Volkonskaya E.K. Repeated violent crimes: sociological study. *Lex russica (The Russian Law)*, 2016, no. 5, pp. 203–216. DOI: [10.17803/1729-5920.2016.114.5.203-216](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.114.5.203-216).
12. Kolesnikov R.V. Current state of juvenile delinquency. *Penitentiary science*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 47–56. DOI: [10.46741/2686-9764.2022.57.1.005](https://doi.org/10.46741/2686-9764.2022.57.1.005).
13. Veklenko V., Galyukova M. Criminal law analysis of torture. *Criminal law*, 2007, no. 4, pp. 15–18. EDN: [KXKTGV](https://www.edn.ru/KXKTGV).
14. Dyadkin O.N., Akhmedov M.N. Issues of the improvement of article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation: international provisions and the Russian experience. *International criminal law and international justice*, 2021, no. 1, pp. 23–26. DOI: [10.18572/2071-1190-2021-1-23-26](https://doi.org/10.18572/2071-1190-2021-1-23-26).
15. Shirmanov I.A. On strengthening constitutional guarantees of rights and freedoms of a person by criminal law prohibition on torture, inhuman, dishonoring treatment. *Constitutional and municipal law*, 2009, no. 19, pp. 37–40. EDN: [KYOOBV](https://www.edn.ru/KYOOBV).
16. Bazarov R.A. Issues of legal regulation of the criminal liability for especially aggravated forceful rape. *Criminal-Executory system: law, economy, management*, 2019, no. 2, pp. 21–24. DOI: [10.18572/2072-4438-2019-2-21-24](https://doi.org/10.18572/2072-4438-2019-2-21-24).
17. Veklenko V.V., Borkov V.N. Broad interpretation of abuse of office. *Russian Investigator*, 2019, no. 6, pp. 48–51. EDN: [AYWBYI](https://www.edn.ru/AYWBYI).
18. Guzeeva O.S. Constitutional framework of criminal liability for abuse of rights and freedoms. *Perm University Herald. Juridical sciences*, 2021, no. 1, pp. 133–152. DOI: [10.17072/1995-4190-2021-51-133-152](https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-51-133-152).

REFERENCES

1. Kudryavtsev V.N., Naumov A.V., eds. *Nasilstvennaya prestupnost* [Violent crime]. Moscow, Spark Publ., 1997. 139 p.
2. Sharapov R.D. Pressing issues of classification of violent crimes. *Criminal law*, 2015, no. 1, pp. 112–124. EDN: [TNIMLV](https://www.edn.ru/TNIMLV).

19. Borkov V.N. Classification of crimes committed in the sphere of performance of operative and search activities. *Criminal law*, 2018, no. 1, pp. 15–22. EDN: [XOEJSP](#).
20. Karabanova E.N. Classification of unlawful use of force by police officers. *Zakonnost'*, 2020, no. 11, pp. 48–52. EDN: [DOHLCM](#).

Some problems of classification of crimes committed with violence according to the Russian criminal law

© 2022

Olga Yu. Savelyeva, PhD (Law), assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: saveleva_olga@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5214-4968>

Abstract: Crimes committed with violence are related to the trespass to a person, person’s basic benefits and freedoms (life, health, and physical integrity). The RF Constitutional Court emphasizes the duty of the state to develop measures to counter criminal violence. A criminal policy to counter violence, primarily sexual infringements against children, holds a specific place. Following these principles, the legislator strengthened criminal liability for a number of violent crimes. The paper analyzes the content of Articles 116.1, 117, 131, 132, 286, and 302 of the Criminal Code of the Russian Federation subjected to amendments and additions in 2022. The author places emphasis on the study of those criminal legislation innovations, in respect of which there are no experience in the scientific doctrine and explanations of the highest court. To form a conceptual apparatus, the author carried out the theoretical studies of scientific publications related to the topic of violent crimes. For the same purpose, the provisions of the explanations of the Russian Federation Supreme Court Plenum were analyzed. Moreover, the author examined the acts of the highest court for their compliance with the amended editions of Articles 131, 132, 286 of the RF Criminal Code. According to the results of the study, the author formulates the concepts of violent crimes and crimes committed with violence. The paper presents the proposals for the classification of crimes under Articles 286 and 302 of the RF Criminal Code in the event of a competition between them and the recommendations on the classification of crimes under Articles 131, 132 of the RF Criminal Code committed against minors and associated with serious or especially serious crimes against a person.

Keywords: violent crimes; crimes committed with violence; threat of violence; torture.

For citation: Savelyeva O.Yu. Some problems of classification of crimes committed with violence according to the Russian criminal law. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2022, no. 4, pp. 45–50. DOI: 10.18323/2220-7457-2022-4-45-50.

НАШИ АВТОРЫ

Воробьева Ольга Александровна, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: olga80_tlt@mail.ru

Глуздак Глеб Николаевич, студент.
Адрес: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации,
191104, Россия, г. Санкт-Петербург, Литейный проспект, 44.
E-mail: g.gluzdak.mail@gmail.com

Гордеева Мария Алексеевна, магистрант.
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: marymarygordeeva1998@gmail.com

Жирова Марина Юрьевна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: zhirovamarin@gmail.com

Кондратюк Сергей Викторович, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Маштаков Игорь Владимирович, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.
E-mail: zavet4@rambler.ru

Нечаева Елена Владимировна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета.
Адрес: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр-т, 15.
E-mail: nechaeva_ev@mail.ru

Николаева Татьяна Геннадьевна, аспирант
кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета.
Адрес: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
428015, Россия, г. Чебоксары, Московский пр-т, 15.
E-mail: pe4nikovatg@gmail.com

Савельева Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс».
Адрес: Тольяттинский государственный университет,
445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова, 57.
E-mail: saveleva_olga@mail.ru

OUR AUTHORS

Gluzdak Gleb Nikolaevich, student.

Address: St. Petersburg Law Institute (branch)
of the University of Public Prosecution Office of the Russian Federation,
191104, Russia, St. Petersburg, Liteyny Prospekt, 44.
E-mail: g.gluzdak.mail@gmail.com

Gordeeva Maria Alekseevna, graduate student.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: marymarygordeeva1998@gmail.com

Kondratyuk Sergei Viktorovich, PhD (Law),
assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: kondratyuk.serzh@mail.ru

Mashtakov Igor Vladimirovich, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair “Civil Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: zavet4@rambler.ru

Nechaeva Elena Vladimirovna, PhD (Law), assistant professor
of Chair of Criminal and Legal Disciplines of the Faculty of Law.

Address: I.N. Ulyanov Chuvash State University,
428015, Russia, Cheboksary, Moskovsky Prospekt, 15.
E-mail: nechaeva_ev@mail.ru

Nikolaeva Tatyana Gennadievna, postgraduate student
of Chair of Criminal and Legal Disciplines of the Faculty of Law.

Address: I.N. Ulyanov Chuvash State University,
428015, Russia, Cheboksary, Moskovsky Prospekt, 15.
E-mail: pe4nikovatg@gmail.com

Savelyeva Olga Yuryevna, PhD (Law),
assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.
E-mail: saveleva_olga@mail.ru

Vorobyeva Olga Aleksandrovna, PhD (Pedagogy),
assistant professor of Chair “Business and Labor Law”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: olga80_tlt@mail.ru

Zhirova Marina Yuryevna, PhD (Law),
assistant professor of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University,
445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.
E-mail: zhirovamarin@gmail.com